

ЭЛЬ СВЕРДЛОВСКИЙ

ЛЮТОВ

БЕССМЕРТНЫЙ МЕНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эль Свердловский Лютов Бессмертный Мент

<https://litres.ru/74599559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Лютов думал, что на службе видел всякое. Пока не умер.

Теперь смерть отбрасывает его назад, а в напарниках у него призрак старого гадала: язвительный, матерящийся и совершенно невыносимый. Тем временем в городе появляются одержимые, обычные выезды заканчиваются бойней, а происходящее всё меньше похоже на дело для полиции.

Каждая новая попытка даёт Лютову шанс разобраться, что творится вокруг. Только боль никуда не девается, враги не становятся слабее, а Гадал не собирается помалкивать. И пока Алексей ищет выход, город приближается к катастрофе.

Мрачное городское фэнтези с чёрным юмором и героем, которому даже смерть не даёт уйти со службы.

Содержание

Глава 1. Начало конца	4
Глава 2. Медведев	19
Глава 3. Гадал, который прогадал	31
Глава 4. «Кое-кого убить»	39
Глава 5. Снова и заново	47
Глава 6. Осеннее утро	65
Глава 7. Подготовка	77
Глава 8. Трупы, странности и удача	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Эль Свердловский

Лютов Бессмертный Мент

Глава 1. Начало конца

На площади Переморска, перед городской больницей, царила адская вакханалия. Лучи ослепительного света били из одной точки над линией горизонта, оставляя обугленные следы даже на гранитной брусчатке. Люди в белых халатах, военные и пациенты в панике бежали от источника света. Их крики внезапно оборвал глухой удар и хруст крошащегося бетона.

Больничный забор в сталинском стиле, с коваными решётками, разорвал огромный зверь, больше похожий на грузовик. Тварь была чем-то средним между быком и тигром: хищная, с непропорционально большой пастью. В пролом, образовавшийся за ней, хлынули существа, напоминающие чучела из соломы и мелких веток.

Зверь топтал и рвал на куски людей, до которых мог дотянуться, а чучела, следовавшие за ним, добивали раненых. Ужасное шествие прервали короткие пулемётные очереди, по три-четыре патрона. Трассирующие «лучики» прошивали всё на своём пути, прорезая в плотном строю чучел коридоры из поваленных тел. Мужчина в грязной военной форме

и лёгком бронежилете бежал по улице к источнику света.

— Ого, «Корд» заработал, отлично!

Он присвистнул, увидев, как казавшаяся несокрушимой зверюга под мощью пулемётного огня вздрагивала, получая всё больше внушительных отверстий в боку. Крупнокалиберные зажигательно-трассирующие пули «Корда» проносились сквозь тушу гадины, оставляя крупные воронки, которые мгновенно заполнялись белой густой жидкостью. Тварь издавала чавкающие крики и, теряя координацию и контроль, заваливалась то на один, то на другой бок, скользя когтистыми лапами по граниту, словно по льду. Потеряв устойчивость окончательно, она всей тушей неуклюже плюхнулась на площадь.

Чучела, словно испугавшись, начали отступать назад, в пролом. Им на смену аккуратными группами шли явно военные люди в чёрной форме без опознавательных знаков.

Мужчина обернулся и, не сбавляя скорости, крикнул напарнику:

— Гриша, гранаты!

В ответ на его крик несколько человек, словно по команде, вскинули оружие в его сторону, опустили на колени и дали длинную очередь. Военный почувствовал, что его будто ударило током: внезапно стало очень трудно дышать. Пули прошили бронежилет насквозь и, видимо, пробили лёгкие. Мужчина выхватил из пластиковой кобуры пистолет Стечкина и, уперев ствол себе под подбородок, нажал на спуско-

вой крючок.

На скамейке во дворе, закрытом со всех сторон, сидел молодой человек. Он был среднего роста, в белой футболке, через которую были заметны хорошо развитые мышцы. Он смотрел, как играют его дети, Никита и Алёна. Их звонкий смех разносился по тихому двору новенького жилого комплекса, отражаясь от стеклянных фасадов и разноцветных балконов.

Погода была тёплой, ласковой: позднее лето, запах скошенной травы и горячего асфальта. На детской площадке резиновое покрытие слегка поскрипывало под кроссовками.

Алексей отвлёкся, услышав вибрацию телефона. Он взглянул на экран, нахмурился: незнакомый номер. Ответил.

— Алексей Михайлович, вы не передумали насчёт инструкторства? Нам действительно нужен человек с вашим опытом...

Он усмехнулся, глядя, как Никита уже тащит Алёну за рукав к горке.

— Пока с семьёй никуда не собираюсь. Спасибо, всего вам хорошего, — сказал он и без сожаления положил трубку.

Алексей снова посмотрел на детей. В груди разливалось тепло. Сейчас он был именно там, где должен был быть.

— О-о-о, ребята! Нам нужно в магазин, — сказал он, глядя на часы. — И домой, встречать маму!

Весёлой гурьбой они направились к магазину у соседнего

дома. Внутри пахло хлебом, а от открытых холодильников тянуло холодом. У кассы, где обычно очередь, продавщица улыбнулась, узнав Алексея, и открыла дополнительную кассу, чтобы не держать детей.

— Ну вы опять запасов набрали, — усмехнулась она, пробывая покупки.

Поднявшись домой, Алексей кинул ключи в миску у входа и быстро рассовал пакеты в холодильник, не разбирая. Едва он захлопнул дверцу, как в прихожей щёлкнул замок: вернулась Лиза. Невысокая, подтянутая, с собранными в хвост светлыми волосами. Лёгкая, как балерина, в идеально сидящей спортивной куртке и безупречно чистых кроссовках. Ни одной лишней складки, ни выбившейся пряди. Аккуратное лицо с тонкими чертами, гладкая кожа, внимательный, живой взгляд. Она улыбалась, глядя на своих домашних.

— Лёша! — сказала она возмущённо, но с теплотой в голосе. — Ты опять продукты не разобрал? Просто запихал в холодильник?

Алексей развёл руками и скорчил виноватую рожицу, а потом подмигнул детям.

— Да сейчас всё сделаем! Не волнуйся, начальник!

Он положил ладонь на грудь, как актёр в театре, и слегка поклонился, отчего дети прыснули со смеху. Он всегда так делал в ответ на замечания Лизы. Она закатила глаза и поцеловала мужа в висок.

Алексей с детьми подошли к холодильнику, но дети вовсе

не спешили помогать. Они бросили пакеты на пол и уже начали переглядываться, явно выискивая предлог, чтобы улизнуть к планшету или мультикам. Алексей, заметив их настроение, хмыкнул и решил превратить это в игру. Он хлопнул в ладоши и встал в геройскую позу: одна рука на поясе, другая указывала на холодильник.

— Так! Внимание! Объявляется миссия особой важности: кто больше всех пакетов с продуктами разберёт, тот получит... любое мороженое! — Он кашлянул. — Любое, но не дороже шестисот рублей, — добавил он с прищуром, будто это предложение из категории «раз в жизни и только для избранных».

Никита и Алёна синхронно обернулись: сначала настороженно, но глаза у обоих загорелись. Никита даже шагнул вперёд и насупился, уставившись на отца:

— Хм... А как будем считать, кто победил?

Алексей обвёл взглядом свою маленькую армию, расправил плечи и произнёс, как настоящий командир:

— Бойцы! Всё просто. Вытаскиваем из пакетов продукты, чтобы мама не ругалась. Раскладываем по отделениям холодильника. Кто справится быстрее и аккуратнее, тот и победил! И главное правило: не лезть на полки друг друга!

Дети переглянулись и кивнули. На их лицах появилась знакомая родителям смесь азарта и хитрости.

— Ура! — закричала Алёна, подпрыгивая.

— Я всё равно выиграю! — выпалил Никита, уже нависая

над пакетом.

Алексей поднял руку, как судья на старте олимпийской эстафеты:

— На старт... Внимание... Марш!

Дети молнией метнулись к продуктам: выдёргивали упаковки, перекрикивались, подбрасывали яблоки, ловко распахивали в контейнеры зелень и сыр. Кухня ожила: зашуршал целлофан, захлопали дверцы, рассыпался детский смех, звякнули бутылки с минералкой. Всё перемешалось в идеальном домашнем хаосе.

Лиза, скинув обувь и куртку в коридоре, заглянула на кухню и так и замерла. Дети носились с продуктами, Алексей хлопал в ладоши и раздавал команды, кошка спряталась на подоконнике за цветочным горшком, явно опасаясь быть втянутой в борьбу за мороженое.

Лиза улыбнулась, прижав руки к груди, и прошептала:

— Как мне повезло, что вы у меня есть.

Когда Никиту на семейной церемонии признали победителем, папа важно кивнул, Лиза вручила ему ложку как символ триумфа, а сам Никита сделал вид, будто принимает олимпийскую медаль.

Алексей хлопнул в ладоши:

— Победа за тобой, боец! Телефон в руки, заказывай себе мороженое. Но имей в виду: шеф-повар Алексей строго контролирует бюджет!

Никита с деловой серьёзностью взял телефон, а Алёна,

немного обижаясь, всё же встала рядом с братом: мысли о скором лакомстве постепенно вытесняли досаду. Вместе они стали выбирать «самое вкусное на свете».

Курьер не заставил себя ждать, и вскоре вся семья собралась за столом. Алексей, глядя, как дети уплетают десерт, произнёс максимально мягко:

— Ребята, у нас важная новость. Завтра вы отправитесь в лагерь! Мы с мамой всё обсудили: вожатые хорошие, на связи будете каждый день. И без шалостей, я всё узнаю!

Никита с Алёной только кивнули, увлечённые мороженым. Их губы были испачканы шоколадом, глаза светились.

Лиза прищурилась и посмотрела на мужа исподлобья. В её взгляде читалось недовольство, на идеально очерченное лицо легла тонкая тень.

— Да уж... Прямо в этом году нужно их отправлять, да?

Она слегка нахмурилась, но всё ещё старалась держать лицо. Они обсуждали, что нужно взять с собой: купальники, любимые игрушки, новую пасту с арбузом, о которой Алёна говорила уже третий день подряд.

Когда тарелки опустели, дети, как по команде, начали собирать посуду. Через несколько минут из ванной донеслись звуки воды, детский хохот, хлопки по раковине.

— Ма-а-ам, мы всё! — крикнул Никита, выскочил на кухню и чмокнул Лизу в щёку.

Алёна не отставала.

— Спокойной ночи, папа! — Она запрыгнула к отцу на

колени и обняла его.

Лиза, чуть смягчившись, прижала их к себе и кивнула:

— Ну всё, уже поздно. Завтра соберём рюкзаки. А сейчас ложитесь пораньше, договорились?

Когда дети ушли, в квартире стало тихо. Только с балкона доносился шум ветра, а в дальней комнате ровно шуршал кондиционер.

Лиза молча достала из шкафчика бутылку вина, поставила два бокала и разлила. Вдохнула, подняла свой бокал.

— Давай всё отменим? Что-то мне не по себе...

Алексей подвинулся ближе и обнял жену. Он чувствовал, как у неё едва заметно дрожат плечи.

— Лиза, ну что опять? Они уже не маленькие, справятся. Это им только на пользу: и природа, и новые друзья. Всё под контролем. Для них это важно.

Лиза всплеснула руками и передразнила мужа:

— «Этю вазнё!»

— Вот ты когда что втемяшишь себе... хоть стой, хоть падай, — беззлобно проворчал Алексей.

Алексей засмеялся, поцеловал её в висок. Лиза оттаяла, уткнулась лбом ему в плечо.

— Ладно... Всё же хорошо будет, да?

Её голос дрожал, в глазах плескалась тревога. Алексей сжал её крепче, наклонился к уху и произнёс твёрдо, не оставляя ни капли сомнения:

— Всё будет хорошо. Я обещаю.

На следующее утро семья провожала детей. Августовское утро выдалось ясным и тёплым. У автобусной стоянки возле спорткомплекса царил суёт: родители обнимали детей, поправляли рюкзаки, проверяли бутылки с водой и панамки, а вожатые сверяли списки, стараясь всех перекричать.

Никита и Алёна, держа родителей за руки, всё время смеялись и болтали друг с другом. Алексей опустился на колени, обнял их вместе, а потом ещё раз по отдельности. Лиза что-то шептала им на ухо, скрывая тревогу в голосе, целовала в макушки.

Когда дети, весело переговариваясь с другими ребятами, заняли места в автобусе, Алексей и Лиза, обнявшись, стояли чуть поодаль, не отрывая взгляда от окон.

Никита прижал лицо к стеклу:

— Пап! Я по тебе буду скучать... но немного!

Алёна крикнула, стараясь перекричать брата:

— А я тебе рисунки привезу! Ты же все их хранишь, да?

Они махали родителям, пока автобус не свернул за угол и не скрылся из вида.

Алексей первым отвёл взгляд, открыл дверь машины для Лизы.

— Поехали?

— Поехали, — устало улыбнулась она, всё ещё слегка волнуясь.

Дорога домой была короткой, едва ли двадцать минут. Они ехали по знакомым улицам чуть медленнее обычного:

устали после сборов, после всех разговоров и объятий. Лиза листала ленту в телефоне, а Алексей переключал радиоканалы, ища фоновую музыку. На одном из них играла спокойная джазовая мелодия, потом она оборвалась.

Наступила пауза, а затем послышался будничны́й голос диктора:

— Срочное сообщение. На выезде из города произошла авария. Водитель самосвала со щебнем проехал на красный свет и врезался в туристический автобус, перевозивший детей. Много раненых.

У Алексея на секунду застыла шея. Руки не отпустили руль, но мышцы напряглись. Лиза выпрямилась в кресле, её глаза мгновенно округлились.

— Что? — голос сорвался.

Алексей медленно нажал на тормоз и припарковался у обочины. Салон машины наполнился каким-то вакуумом, звуки будто стали приглушёнными.

Он не сразу осознал услышанное. Что-то в голосе диктора было слишком обычным, отчуждённо-спокойным, будто речь шла о пробке. Но в следующую секунду, как в кошмарном сне, сердце рванулось к горлу, дыхание сбилось, пальцы крепче сжали руль. В голове, как заевшая плёнка, повторялось: «...врезался в туристический автобус... много раненых...»

Радио продолжало:

— По предварительным данным, автобус следовал в сто-

рону детского лагеря «Голубая бухта». Подтверждается, что внутри находились несовершеннолетние. На месте работают экстренные службы...

Алексей резко вывернул руль и развернулся, не слыша протестов Лизы. Машина взвыла и сорвалась вперёд. Асфальт мелькал, как рябь на воде, светофоры превращались в пятна цвета. Он ехал по памяти — через дворы, по встречке, обгоняя колонну машин, давя на клаксон до хруста пластика.

Лиза молчала, белая, как бумага. Она уже поняла: сейчас не существует слов, способных его остановить.

Когда они подъехали, автобус лежал на боку. Один борт был вжат внутрь, словно его придавило огромной ладонью. Повсюду осколки стекла, куски металла, разбросанные детские вещи.

Скорая за скорой отъезжали с включёнными сиренами. Полицейские держали оцепление. Люди кричали, кто-то стоял с открытым ртом, кто-то плакал, кто-то безучастно смотрел, как в экран телевизора.

Алексей бросился к проходу, но его оттеснили. Широкоплечий лейтенант в пыльной форме перехватил его обеими руками:

— Гражданин, нельзя туда! Работа идёт!

— Там... — вырвалось у Алексея.

Полицейский, встретившись с ним взглядом, отвернулся, но не сдвинулся с места.

Пожарные тушили вспыхнувшую траву. Врачи бегали с

носилками. Рядом с перевёрнутым кузовом уже лежала куча одеял...

Алексей вдруг узнал одну детскую футболку.

Он рухнул на колени. В бессильной истерике, под вой сирен, он остервенело рвал траву пальцами.

Следующие три месяца прошли как в чёрном дыму. Память проваливалась, исчезала, тонула в вязкой мгле скорби. Похороны. Соболезнования близких. И тягучая, опустошающая тишина родного гнезда.

Лиза часто сидела у двери детской комнаты, прямо на полу, рыдая и боясь даже переступить порог. Алексей пытался её поддержать, снять с неё весь быт, но становилось только хуже...

И однажды, когда он возвращался с работы, у двери квартиры его ждали люди в форме и рыдающая соседка.

— Алексей Михайлович... ваша жена скончалась...

Он осел на пол, будто раненый зверь, и беззвучно заплакал.

Так Лютов остался совсем один.

Он много пил: бессистемно, ради забвения, чтобы хоть как-то заткнуть зияющую дыру внутри. Продав квартиру, он перебрался в дешёвую гостиницу, потому что сил вести быт у него больше не было.

Однажды Алексей очнулся в липком тяжёлом похмелье,

среди гор грязной посуды и пустых бутылок. С гудящей головой, пустым взглядом и трясущимися руками он уставился в разбитый экран жужжащего телефона. Он не понимал, на что смотрит и зачем вообще проснулся.

На экране был незнакомый номер.

Голос в голове только успел пробормотать: «Да ну его...» — но палец уже нажал на кнопку ответа.

— Алексей Михайлович, я снова по поводу предложения. Насчёт работы инструктором. Вы не передумали?

Он смотрел в экран мутным, тяжёлым взглядом. Слова из трубки прорывались сквозь гулкое похмельное марево, будто кто-то стучал в закрытую дверь его сознания.

И тогда Алексей, неожиданно даже для самого себя, прохрипел сухо и сипло:

— Да... Что для этого нужно?

Дальнейшие события развивались стремительно. Медицинскую комиссию он прошёл с огромными проблемами. Если бы не спортивное прошлое, его бы точно забраковали. Но, как когда-то на тренировках перед соревнованиями, он вдруг собрал волю в кулак и начал выжимать из распорядка максимум, не оставляя себе ни минуты свободного времени, — учебные стрельбы, занятия по тактике. Всё шло на автопилоте, словно это не он, а кто-то другой шаг за шагом заполнял бумаги, тренировался, отвечал на вопросы.

И вот Алексей уже за тысячи километров от родного города, сидит в утробе грохочущего БТРа среди таких же, как он,

молчаливых, сосредоточенных людей. Рёв двигателя заполнял бронемашину, вибрация металла ощущалась в костях. Кто-то перекрикивался с радистом, кто-то проверял снаряжение.

Снаружи была африканская страна, охваченная гражданской войной. Их отряд поддерживал официальный режим, сражаясь с повстанцами, которые давно смешались с мирными жителями: одни носили форму, другие — гражданскую одежду, и с первого взгляда уже было не понять, кто перед тобой.

В узком поле зрения бойницы мелькали редкие бетонные остовы, обугленные стены, покрытые копотью и следами пуль, обвалившиеся крыши, прогоревшие насквозь. Где-то вдали чадил дым пожара, над ним синело безжалостное небо. Солнце палило злобно, не оставляя ни клочка тени. Даже под бронёй не было спасения от жгущего зноя. Воздух был густой, наполненный пылью, запахом гари и перегретого металла.

Алексей сидел, прижавшись спиной к броне. Автомат лежал на коленях. Глаза были прикрыты.

В этом пекле, в этом грохоте мотора, в окружении чужого языка он впервые за долгое время ощущал себя на своём месте.

Тут не было прошлого. Не было детской площадки. Не было вина на столе.

Только чёткая цель: выжить и выполнить приказ. И право

стрелять первым.

Глава 2. Медведев

Бронемашину трясло на разбитой африканской дороге, а Алексей, надвинув наушники поглубже, слушал Цоя.

Музыка и война. Всё, что осталось у него.

Раскалённое солнце пробивалось сквозь узкие смотровые щели и за считанные минуты разогревало металл так, что на нём нельзя было спокойно держать руку. По обе стороны дороги тянулись сожжённые деревья, руины невысоких построек, ржавые автомобили, давно ставшие частью местного ландшафта.

Внезапно его резко шлёпнули по затылку. Наушник вылетел из уха, голос Цоя оборвался.

Над ним навис сержант Медведев — рослый, с выцветшей татуировкой на шее и ухмылкой, которая никогда не означала ничего хорошего. Он скалился в лицо бойцу, как пёс, у которого только что отняли миску.

— Лютый, ты охуел? Может, ещё подроочишь, чтобы расслабиться? Уши на макушку, все в полную готовность! Я, конечно, понимаю, ты у нас спец по рукопашке, но дисциплина должна быть. Даже у кунг-фу панд, блядь.

Алексей хмыкнул и, не споря, вынул наушники.

За короткое время службы с Медведевым они нашли общий язык. Тот был груб и прямолинеен, но честный, выученный боец, и таких Алексей уважал.

Сержант выпрямился и обратился ко всему отсеку. Его голос был хорошо слышен, несмотря на рёв мотора.

— Всё по науке. Мне по хую, есть там кто или нет. Высаживаемся. Никитин, к крупнокалиберному пулемёту, контролишь периметр. Мы с остальными в трёхэтажку или в то, что от неё осталось. Закрепляемся по секторам, как учили. Основные силы подходят позже. Все свои задачи помнят?

Он метнул взгляд по бойцам: лица в пыли, загорелые и измученные, но собранные. Медведев продолжал:

— Никитин с водилой на базу и обратно. Остальные окапываемся и не дышим без приказа. Разведка говорит, что там пусто... но я повторяю: мне по хую. Шлемы застегнуть, чтобы не болтались, как ваши хуи на выпускном. Медицину, дымы, гранаты — всё на себя. Как в последний раз.

— Так точно! — хором ответили бойцы.

Алексей проверил автомат, пересчитывал магазины в разгрузке, проверил, как они выходят из петель, и ощутил, как вся нервная энергия внутри собирается в один тугой узел.

Под палящим солнцем и под горячую риторику Медведева группа рванула на второй этаж полуразрушенной трёхэтажки. Сержант быстро наводил порядок:

— БК¹ сюда, пулемётчик туда! Никитин, пиздуйте уже обратно! Пулемёт сюда поставь. Живо!

Он подозвал Лютова.

— Так, меломан хуев. Растяжки представляешь, что та-

¹ БК — боекомплект (амуниция, боеприпасы).

кое? Подходы к зданию заминировуй. Эфки² нам тут на хер не упёрлись, взрывателей мгновенных нет, мин тоже. Так что давай, придумай что-то. И сам не взъебись на этом.

Алексей быстро соображал, вспоминая курсы по обороне в учебке. Схватил сумку сапёра и бросился к точкам, которые, по его мнению, требовали минирования.

Лютов работал, насвистывая: «Вместе весело шагать по просторам, по просторам...» Он закрепил леску с крючками на проходе. «И, конечно, подпевать лучше хором, лучше хором...»

Смахнув пот со лба, Алексей оглядел результаты общего труда. За два часа заброшенная бетонная развалина превратилась в относительно защищённую позицию. Отделение разбилось по секторам, готовясь к возможной атаке.

Мягков сунул гранату в выбоину в стене и подорвал. При оборудовании пулемётной точки под окном он сделал небольшую бойницу, чтобы не стоять у проёма, изображая мишень в тире.

После всех приготовлений воцарилась давящая тишина. В таком пекле не было слышно даже насекомых. Через несколько минут кажущегося спокойствия напряжение у солдат стало отступать, и Мягков, пулемётчик группы, потянулся и, словно между делом, прошептал с ленцой и показной наглостью:

— Товарищ сержант... ну, может, поспим немного? Ну

² «Эфка» — граната Ф-1.

тихо же тут...

В комнате мгновенно повисла гробовая тишина. Даже муха, если бы она была, умерла бы от страха.

Медведев сидел у стены и вскрывал цинк с патронами. Он вскинулся так резко, что щёлкнуло в шее. Посмотрел на бойца, будто решал: убить его сейчас или потом.

— Что, бля?! Ты чё там сказал, сын циркового коня?! Двадцать отжиманий!

Мягков только пожал плечами. Знал: спорить бесполезно. Рухнул на пол и начал отжиматься, тихо матерясь на каждом счёте.

И в этот момент, среди сержантского бубнежа и натужного пыхтения бойца, раздалось далёкое, но отчётливое «бумф». Звук прокатился по воздуху, будто кто-то с силой ударил палкой по пустой железной бочке.

Вылет мины. В стволе 82-мм «Подноса» срабатывал вышибной заряд, и труба выплёвывала мину наружу. Земляное ложе глушило звук, поэтому он получался коротким, мутным, как петарда, взорвавшаяся под мокрым одеялом.

— Ложись! — рывкнул Медведев.

Все вжались в пыльный бетон. Алексей рухнул рядом с оконным проёмом, грудь свело выбросом адреналина, а руки сами собой сжали АКМ, будто железо могло защитить от железа.

Через полсекунды грохот разорвал воздух. Раздался первый взрыв, здание трянуло. С потолка посыпалась пыль,

где-то зазвенели осколки бетона, заскрежетала арматура. Второй. Третий.

Миномёты били по их позиции низкими траекториями, почти в упор. После десятого разрыва всё стихло.

— Десять... — прохрипел сержант и сплюнул загустевшую слюну. — Опытный расчёт. Сейчас, суки, ствол уже разбирают.

— И съебутся минут за пять, — добавил Лютов, поправляя сбившиеся активные наушники. — Ответку им ловить незачем. Значит, они не знают, что мы тут одни, без поддержки.

Медведев, лёжа на локте, огляделся.

— Ты смотри... сарай, бля, выстоял. Тоже мне архитектурное чудо. Есть кто «триста»?

В ответ была тишина. Довольный молчанием, он перевёл взгляд на Лютова. Тот лежал лицом в пол, руки на автомате.

Медведев хмыкнул и почти весело спросил:

— Меломан! Ну-ка, скажи мне, что значит этот миномётный обстрел, по-вашему?

— Это значит: нам пиздец, товарищ сержант. Скорее всего, подготовка перед штурмом, — сказал Лютов, не поднимая головы.

Медведев откинулся на спину и выдохнул. И всё же в уголке губ появилась тень улыбки. С долей гордости он произнёс:

— Молодец. Учишься. Живой будешь, может, место моё займёшь.

Он не унимался. Даже лёжа на полу под гулом артобстрела, продолжал выстраивать логические цепочки, будто в этой грязной, пыльной дыре вёл семинар по выживанию.

— Так, а вот то, что они ровно по нашей позиции ебошили, что это значит?

— Это значит, что наводчик где-то рядом. Они знают, что мы тут закрепились.

Медведев, как учитель, довольный ответом ученика, хмыкнул:

— Во-о-от... Вот это уже по делу. Значит, как только залп закончится, будет готовиться штурм. Готовность номер один. До прибытия основных сил минимум четыре часа.

Не теряя времени, он вскочил на ноги:

— Все по местам, позиции занять! При контакте сигнал сразу, без самодеятельности!

Он ещё не успел досчитать бойцов, как послышался рёв мотора. Глухой, тяжёлый, с сильным надрывом. Рокот тяжёлого двигателя разогнал наступившую тишину.

— БТР?! Откуда, блядь? У этих чертей максимум спизженный «Хаммер» с пулемётом!

Медведев шурился, вслушиваясь. Подскочил к оконному проёму и впился взглядом в дрожащую от зноя даль. На пыльном горизонте угадывался приземистый силуэт, низкая башенка и широкая, уверенная посадка бронемашины — совсем не «повстанческий» уровень.

— Мягков! — Он не отрывал взгляда от горизонта. — У

нас к гранатомёту есть что-нибудь, кроме осколочных «карандашей»³?

— Никак нет, товарищ сержант. Готовились к пехоте, — сипло ответил пулемётчик, нервно облизывая губы.

— Да ёбанный в рот...

Медведев коротко пробежался взглядом по бойцам, по укрытиям, по балкам. Решение пришло быстро.

— Так, план простой. Не стреляем. Пусть думают, что мы обосрались. Подпускаем ближе. Первый, как только они остановятся и начнут высаживаться, даёт очередь, кидает дым под себя, орёт как резаный и отбегает, крича: «Я триста! Отступаем! Отступаем!» — Он кивнул в сторону окон. — Может, и не сработает, но другой идеи у меня нет. Только когда вылезут полностью, открываем огонь со всех стволов. Без команды ни звука! — Сержант обвёл бойцов взглядом. — Кто затупит, останется удобрением в этой жопе мира. Всё понятно?

— Так точно!

Снова воцарилась тишина, но теперь она была другой: натянутой, электрической, как воздух перед грозой. Алексей медленно положил палец на спусковой крючок и, чтобы не сорваться, стал считать вдохи, выравнивая пульс. БТР уже гудел где-то совсем близко.

Медведев скомандовал:

— Внимание! Ждём, пока все не выйдут. Мягков, «ка-

³ «Карандаш» — противопехотный боеприпас ОГ-7В.

рандашом», молю тебя, в башню. Неважно, что произойдёт, второй раз туда же, не жалей. — Он резко развернулся. — «Покемон»⁴ Меломану отдай. Пусть закрепится и польёт их. И когда они все выйдут и отойдут от БТР, открываем огонь. Всем всё понятно?!

— Так точно! — хором откликнулись солдаты.

Из-за поломанного забора показалась техника. Песок и гравий взлетали от вибрации гусениц. Бронемашина, не останавливаясь, врубила очередь с башни по верхнему этажу здания, где укрывались бойцы. Пыль, бетон, искры — всё смешалось. Медведев, прикрывая голову рукой, ругался:

— Да бля, где они этих вояк-то нашли?! Мягков, план тот же: разъеби ему башню! Сразу! «Карандаши» держи при себе, не растеряйся! Меломан, как отойдут, открывай огонь! Если не отойдут, действуй по ситуации!

— По какой, нахуй, ситуации?.. — мрачно усмехнулся Лютов.

Прошла минута, но каждый удар по стене, каждая пуля, вгрызающаяся в бетон, растягивали эти шестьдесят секунд до бесконечности. БТР приближался, бил короткими очередями, прошивая бетон. Потом остановился метрах в трёхстах, как вкопанный. Задние дверцы распахнулись, но никто не вышел.

Мягков перехватил РПГ, встал у окна, прицелился и выстрелил. Хлопок. Ударная волна. Заряд ушёл в сторону баш-

⁴ «Покемон» — ПКМ — пулемёт Калашникова модернизированный.

ни, но стрелок там, словно ждал этого, ответил короткой очередью. Пули пробили укрытие. Мягков отшатнулся и рухнул на спину.

— Блядь, рука!..

Задыхаясь от боли, он вцепился в плечо. Кровь стекала по разгрузке. Стиснув зубы и собрав волю, он сделал второй выстрел, почти падая назад. Граната ушла в небо, оставляя за собой шлейф.

В тот же миг первый боец, как и было приказано, дал очередь из АКМ по корпусу БТР, швырнул дымовую под ноги и, имитируя отступление, рванул вглубь здания, громко ругаясь:

— Я триста! Назад, сука, назад!

Медведев кивнул бойцу рядом:

— Замени Мягкова! Быстро! Завершить задачу!

Но из БТР так никто и не вышел.

Вдруг донёсся новый рёв мотора, низкий, тяжёлый. Дымовые хлопнули по двору. Улица утонула в серой мгле. Сквозь клубы дыма показалась второй БТР, двигавшийся следом за первым.

Лютов вскрикнул:

— Вторая идёт! Справа от первой!

И в тот момент третий заряд, видимо выпущенный собравшимся из последних сил Мягковым, попал точно между башней и корпусом. Металл хрустнул и загнулся внутрь. Сбоку вырвалась вспышка, башню сорвало. Вторая машина

выпустила дымы и, дав задний ход, скрылась за разрушенным зданием.

Медведев радостно заорал:

— Да есть же! Боец, окажи помощь Мягкову!

Рёв двигателя стих. До бойцов донеслась иностранная речь. Медведев, взбешённый, сплюнул:

— А-а-а, а я-то думаю! Пиндосы, блядь! Так, дело пахнет керосином... У этих пидоров точно что-то с собой...

Фразу оборвал глухой выстрел из гранатомёта. Ракета, оставляя за собой дымный шлейф, врезалась в потолок этажа, где укрывались бойцы. Взрыв смешал всё вокруг, осыпая пылью и осколками. Лютов, не будь на нём защитных очков и активных наушников, наверняка словил бы серьёзную контузию.

Он услышал знакомый стрёкот, и пули заскребли по бетону там, где окопались бойцы. Противник продвигался к их позиции короткими перебежками под прикрытием огня: одни рвались вперёд, другие прикрывали, затем менялись, продолжая движение, как в эстафете.

Медведев взревел, не сдерживая ярости:

— Меломан! Ты чего, блядь, спишь?! К пулемёту!

Лютов одним прыжком ухватил ПКМ, разложил сошки и рухнул на пол. Не вставая, зацепил ими настил и подтянулся вперёд, ближе к оконному проёму. Внизу несколько троек противника метнулись рывками в их сторону. Собравшись, он открыл огонь короткими очередями, по шесть-семь па-

тронов, методично простреливая сектора.

Бой шёл на пределе. На третьей или четвёртой очереди движение неприятеля замерло: те откатились к оврагу, закрепились и больше не пытались штурмовать.

Медведев вдруг заговорил тихо, почти по-домашнему:

— Ребятки, я вот что скажу... Плен у них вам точно не понравится. Так что гранату или патрон оставьте на себя, сдаваться глупо — нас менять не на кого. Это даже не повстанцы, а хуй пойми кто.

Бойцы переглянулись, поражённые неожиданной мягкостью сурового сержанта. Тот заметил их взгляды и добавил:

— Я точно вытеку, пацаны. У меня под яйцами пробой. Там без вариантов. Возьмите мой БК и подходы держите. Думаю, на этом всё. Они не будут лезть с кондачка: не получилось, миномёты и гранатомёты у них есть. В прямой штурм не полезут...

И тут глухой звук, как от пулемёта, раздался с противоположной стороны, где сидел враг. Медведев вдруг оживился:

— Да ладно... Вертушка.

И, словно в ответ, в небе зазвучал тяжёлый рокот. Сквозь пыль над горизонтом всплыла чёрная точка, и уже через секунду над позициями противника взревел Ми-24, тот самый «Крокодил». Вертолёт дал залп из сорока неуправляемых ракет. Меньше чем за минуту место укрытия врага перестало существовать.

Удача определила исход боя. Земля дрожала, а вражеские

силы таяли в дыму, огне и пыли. Тот первый серьёзный бой Лютов запомнил навсегда. Он не сыграл в нём значительной роли, но понял главное: в схватке часто решают удача и внезапность.

Тяжёлую технику противника патруль заметил случайно. Почти сразу подняли вертушку: пошла охота за бронетранспортёрами, которые сперва приняли за танки, и вертолёт стал решающим доводом. Только довод оказался дорогим. Мягков истёк кровью на месте. Медведев продержался ещё минут двадцать после боя и умер, так и не дождавшись эвакуации.

После этого служба пошла тише. Лютов закончил контракт без ранений, но с багажом, который не меряют гипсом. Научился обращению с оружием, тактике городского боя и ещё многому, с чем лучше бы не знакомиться вовсе.

Через два года он вернулся в родной город, купил участок в СНТ и начал поднимать дом. Потом с трудом, но всё же устроился в полицию: стал местным участковым. Людей сторонился, запои остались в прошлом, и жизнь потекла ровно, буднично, почти спокойно.

Глава 3. Гадал, который прогадал

Лютов ехал домой. За окном сгущались сумерки. Фары выхватывали из темноты куски дороги, а редкие фонари роняли больше тени, чем света. Он уже собирался выключить рацию и потянулся за сигаретой, когда динамик ожил хрипом и треском.

— Пш-ш-ш... Алексей Михайлович?

Он едва не выронил сигарету.

— Да.

— Поступил вызов: звуки стрельбы, какие-то дикие звери. Проверите? Вам же по пути. Никодимово, дом восемь.

— Да, по пути... — сказал Лютов, вздохнув.

Он сбавил скорость, свернул с трассы на узкую сельскую дорогу и через десять минут подъехал к ветхому забору, за которым темнела перекошенная изба. Машина фыркнула и стихла, фары погасли. Воздух стоял стеной, тёплый и душный, будто парилка без окон: пахло прелой травой, гарью и... чем-то тухлым. Проверив табельный пистолет Макарова, Лютов захлопнул дверь своего УАЗа и направился к воротам. На них, держась на одном гвозде, болтался облезлый плакат:

«Потомственный гадал с многолетним стажем. Поможет в сложной жизненной ситуации. Советами и заговором».

Лютов хмыкнул. «Гадал... Серьёзно?»

Он уже собирался идти дальше, когда перед ним дорогу перебежала чёрная кошка и сразу растворилась во мраке. Алексей замер. Тут же, словно по команде, следом пронеслись ещё с десятков хвостатых теней.

— М-да... если это не знак, то что тогда считается знаменем? — буркнул он.

Здрав голову, похолодел: сотни ворон кружили над избой, образуя воронку, будто чёрный водоворот в небе. Лютов сплюнул сквозь зубы и двинулся вперёд.

— Блядь... точно бред какой-то.

Асфальт под ногами был растрескавшийся, по краям торчал бурьян. Калитка жалобно скрипнула. Он прошёл по заросшей дорожке к избе и толкнул входную дверь: та распахнулась без звука, будто ждала его.

Тёплые нотки сосновой смолы и пряных трав едва держались в воздухе, но их безжалостно давил резкий металлический запах крови. На массивном столе горели пять толстых свечей, пламя почти не колыхалось. Стены были испещрены странными меловыми знаками и увешаны пучками сушёных трав, старыми иконами, почерневшими фотографиями.

Прямо напротив входа, на резном стуле, сидел пожилой мужчина. Густые чёрные кудри почти скрывали лицо. Он дышал тяжело: шея была залита кровью, а из глубокой рваной раны в области сонной артерии ритмично била алая струя. Алексей изумлённо застыл. Он многое видел, но напор крови был слишком сильным, старик давно должен был умереть.

Почти не веря в ответ, он спросил:

— Живой?

Гадал поднял мутный, полубезумный взгляд. Рот приоткрылся, но из горла вырвались лишь хрип и шипение. Струйка крови пульсировала в унисон с попытками говорить. Старик попытался сглотнуть кровь и выдавил:

— ...дай... парень... там... на столе...

Лютов взглянул на стол. Среди пыльных вещей и расплавленного воска лежал странный предмет размером с половину ладони: прозрачный, многогранный, с заострённым концом и потемневшей металлической оправой. На вид обычная побрякушка, но взгляд к ней лип, как к единственной звезде в туманной ночи, — голова кружилась, и глаза снова возвращались к украшению, как бы он ни хотел отвернуться.

— Вот этот?

Он схватил кристалл и сделал шаг, не отрывая взгляда от него, а потому не заметил растёкшуюся багровую лужу. Ботинок скользнул по её склизкой поверхности, будто по льду, и Лютов тяжело ударился коленями о пол. Он вздрогнул, пальцы рефлекторно сжались в кулак.

Кристалл, прижатый к коже, вспорол её острым краем, будто игла тонкую ткань. Резкая боль взметнулась по нервам живой змеей. Алексей вскрикнул и сжал зубы. Руки дрожали: кристалл прошёл ладонь насквозь, и разжать пальцы он не мог. Кровь капала на доски пола.

Сердце колотилось, как после долгой пробежки. И в этот

момент где-то снаружи раздался протяжный вой: низкий, утробный, будто волк уже почуял добычу.

Лютов, тяжело дыша, поднялся с пола. Боль пульсировала в проколотой ладони, кровь горячим кольцом обжигала пальцы, но мышечная память взяла верх. Рука сама нашла рукоять Макарова: короткий рывок, резкий щелчок затвора, и патрон уже в патроннике. Сквозь мутную рябь в глазах он различил за окном тёмные силуэты — то ли крупный зверь в кольце людей, то ли очередной фокус разгулявшегося страха. Лютов стиснул зубы, стряхивая морок, поднял пистолет на линию прицеливания: любой шорох, и он откроет огонь, не останавливаясь, пока боёк не начнёт сухо щёлкать по пустой камере.

— Ну за-е-би-сь, Лёша. И что теперь с этим патроном делать?.. Тут нельзя палить без бумажек: каждая гильза под протокол.

Его взгляд упал на Гадала. Старик сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Всё живое, что в нём было, вытекло вместе с кровью, и струйка, извергающаяся из горла, уже запеклась, будто он умер давно. Размышления прервал хриплый голос в голове, словно в наушниках:

— Во-первых, выдохни, парень.

Лютов вздрогнул, резко оглянулся и лихорадочно обвёл взглядом углы комнаты.

— Кто здесь? — выдохнул он едва слышно.

— Я и сам толком не понял, что стряслось и почему те-

перь, похоже, я мёртв, — прозвучало с лёгкой усмешкой. — Но, судя по ощущениям, это амулет, и он уже твой. И, прямо скажем, убить тебя теперь будет... непросто.

Голова у Лютова пошла кругом. Он переводил взгляд от бескровного тела старика к амулету в окровавленной руке и дальше, к тёмным окнам, за которыми ворочались тени. Пистолет дрожал в пальцах, словно Алексей и сам не верил, что оружие способно его защитить.

— Чёрт... ты же мёртв.

— Да что ты? А я-то думал, сова, — иронично отозвался голос в голове. Пауза оборвалась сама собой. — Ой, блядь, неважно. Амулет тебя принял. Теперь у тебя есть... ну... кхм-кхм... сила, с которой будешь разбираться по ходу пьесы. Есть хорошая новость и плохая. С какой начнём?

Лютов с трудом отдышался, провёл ладонью по лицу; пистолет всё ещё был у подбородка.

— Давай с плохой, — хрипло выдохнул он.

— Неважно, сколько силы даст тебе амулет... боль останется с тобой. Всегда.

Лютов моргнул и попытался сострить:

— Чего, бля-я-я?.. А! — Он ухмыльнулся, довольный собственной шуткой. — Думал, ты тут один по мемам прикалываешься, старый чёрт.

Смех вырвался резко, каркаяще, нервно, почти истерично. И в следующую секунду грянул оглушительный удар: с близкого расстояния рывкнула крупнокалиберная винтовка

без всякого глушителя. Звук хлестнул по ушам, раскрыл воздух и заставил стену дрогнуть. Лютов не успел повернуться. В голове вспыхнула боль, резкая, как удар кувалдой.

Стены, свечи, кровь — всё закружилось. Боль в глазу была такой, что казалось, череп полыхает изнутри. В пыльном разбитом зеркале у стены он увидел себя: чёрная воронка вместо правого глаза, тонкая струйка крови ползёт по щеке, смешиваясь с потом и грязью.

— Чёрт... — сорвалось с губ.

Он повалился на бок, и мир вокруг посерел, словно экран старого телевизора. Но боль не ушла: она осталась точкой отсчёта. И тут из кармана, где лежал амулет, разлилось тепло.

Не обжигающее, живое, плотное, будто чья-то рука держала его за сердце.

Всё замерло. Время остановилось. Воздух застыл. И в этой мёртвой тишине голос снова прозвучал в голове:

— А вот и хорошая новость: убить тебя теперь куда сложнее.

Лютов, пошатываясь, попытался подняться. Пол под ладонями был липким от крови; амулет пульсировал, будто раненая птица, стремящаяся вырваться из сети. Голова кружилась. Он вцепился в ножку стола и медленно выпрямился, борясь с гравитацией. В треснувшем зеркале он увидел, как пустая глазница вибрирует: мясо, мышцы, сосуды, плоть лепились заново. Под кожей словно копошились черви; боль была такой, что темнело в глазах. Он стиснул зубы так силь-

но, что, кажется, слышно было хруст.

За окном взвыл кто-то злой, голодный. Что бы это ни было, оно чувствовало: внутри ещё есть жизнь, и сейчас она уязвима.

— Проклятье... Что ты со мной сделал? — выдавил Лютов.

Гадал вздохнул устало, будто снова объяснял принцип работы миксера человеку, до которого и с третьего раза не доходит.

— При смерти или тяжком увечье амулет срабатывает. Время вокруг тебя становится... хм-м... как вода. Представь реку: после смерти течение выталкивает тебя обратно, против потока. Сначала — на пять минут, потом — на день. Но не раньше того мгновения, когда амулет признал тебя.

Его слова вспороли сознание, как луч маяка в тумане, но сил понять их смысл не было. Лютов мотнул головой и почувствовал, как всё вокруг начало меняться: пламя свечей синхронно изогнулось, словно от порыва ветра; дымок собирался с потолка и впитывался в пламя; тени за окном остановились и стали медленно двигаться в обратном направлении.

Гадал продолжал:

— Время течёт обратно. Ты вернёшься туда, где всё началось. Но боль... будет твоей платой. Всегда.

Лютов почувствовал, как всё вокруг дрогнуло, будто кто-то двигал реальность по конвейеру в обратную сторону. Его повреждённый глаз уже был цел, зрение возвращалось, но

резь осталась, как эхо выстрела, жгучее послевкусие смерти. Он тяжело выдохнул. Дыхание постепенно выровнялось, воздух стал чуть легче, но боль по-прежнему гудела в висках, пульсируя в такт сердцу.

— Значит... у меня есть шанс... вернуть всё назад? — хрипло спросил Лютов.

— И да. И нет. Возвращение — это не исправление. Ты просто переживёшь момент иначе. Но боль, Лютов, будет ждать тебя всегда. Каждый раз. Как грех без возможности искупления, как старость, от которой не откупиться.

Лютов поднялся, сжал пистолет, почувствовал его вес и холод металла; тот держал его в тонусе, как якорь среди хаоса. Мир понемногу возвращал краски, но в теле уже поселилась новая боль: не резкая, а глухая, тянущая, как зубная. Только болел теперь не глаз, а он весь, целиком. За окнами повисла зловещая тишина, пугающая куда сильнее прежнего воя.

— Ну что, молодец. Амулет дал тебе кое-что поинтереснее, чем просто возможность выживать. А теперь... нам с тобой надо кое-кого убить.

Глава 4. «Кое-кого убить»

Опираясь на стол, Лютов медленно поднялся с пола. Колени дрожали, в ушах шумело, будто кровь бурлила в голове, проходя по венам и создавая глухой, давящий гул. Он всё ещё ощущал слабость после того, как амулет выдернул его из лап смерти, а боль в глазнице отдавалась тупыми ударами, словно по мясу били молотком. Деревянный пол скрипел при каждом движении, будто сама изба была недовольна тем, что он ещё жив. Понимая, что времени на раздумья нет, Алексей обвёл избу взглядом и снова наткнулся на тело Гадала. Мёртвый старик сидел на стуле, скрючившись, с полуприкрытыми глазами и открытым ртом, словно застыл на последнем слове.

— Не отвлекайся, юноша. Вокруг избы есть кое-кто, кого стоит аннигилировать на хуй.

Алексей нахмурился и прислушался к звукам за стенами. Сначала он различал только ветер, шуршащий в кронах. Но стоило сосредоточиться, послышался шелест листвы, хлюпанье грязи под чьими-то ногами, тяжёлое, хриплое дыхание в темноте. Тени за окном больше не выглядели просто игрой света: они предупреждали. О чём-то жутком.

Он прошептал, крепче сжимая пистолет:

— Кто это?

— Куколки, двое, может, трое. Такие, знаешь, не сообра-

жают ни хера, как марионетки. Может, ещё гадость какая...

Лютов стиснул зубы, явно что-то обдумывая. В глазах мелькнуло тяжёлое раздумье: может, всё-таки стоило позвонить ребятам в отдел? Он даже на секунду достал телефон.

— Надо увести гражданских, задержать тех, кто будет сопротивляться.

— Кого задержать, отрок? Жалеть их нет смысла. Они всего лишь оболочки для хозяина. Вопрос не в том, убивать их или нет, а в том, как быстро ты это сделаешь. Хозяин буквально вытравливает из них всё человеческое.

Лютов медленно, стараясь не шуметь, подошёл к окну. Тяжёлая штора была покрыта пылью. Он аккуратно отодвинул её край и выглянул на улицу. Снаружи, несмотря на свет фонарей от трассы, было очень темно.

Его взгляд зацепился за движение в тени за забором. Там, в темноте, он заметил слабое сиреневое свечение, как фосфор в мутной воде. Сначала один силуэт, потом второй. Фигуры были будто подёрнуты полупрозрачной дымкой, которая тянулась за ними, оставляя мутный след.

— Эти цветные блики, сиреневые, что ли, что значат? — прошептал Лютов.

— Гадины эти различаются по свечению своей ауры. Обычно можно понять, кто это, по их цвету. Но вот это... такого я ещё не видел.

Алексей поморщился и потёр виски. Он привык к бою, к грязи, стрельбе и смерти. Но тут было нечто совсем иное, и

верить в это он решительно не хотел. Всё, что он умел, внешне утратило смысл. Происходящее начало казаться очень плохим сном, а голос в голове — галлюцинацией. Лютов всерьёз задумался о собственном разуме: может, он свихнулся? Просто поехал крышей и теперь разговаривал с трупом в своей голове.

— А ещё они не одни. С ними ещё один фруктик, и он наша цель.

— Кто? — тихо спросил Лютов.

— Хуй в замшевом пальто. Егерь, охотник, мудочёс старый... Он меня этой гадостью угостил, я уверен.

Алексей нахмурился. Он всё ещё не мог свыкнуться с тем, что чужой голос звучит у него внутри. Он отвёл взгляд от окна и повернулся к мёртвому телу Гадала, ведя с ним беседу словно с живым:

— Почему ты так уверен?

— Эта гниль пакетная приезжала ко мне несколько дней назад, расспрашивал про зверей: мол, не докучают ли дикие животные. На первый взгляд обычный разговор, а всё же что-то в нём было не так. Такое, знаешь, резкое, липкое чувство беспричинного страха, а я ведь дед не из пугливых. Разговор мне тот не понравился. И, похоже, он понял, что я заметил неладное. Я видел, как он напрягся, когда я стал его про работу спрашивать: мол, когда сезон открывается, что с Тишкой-браконьером. Тут он вдруг замямлил, пробормотал, что недавно тут, ничего не знает, сослался на срочное дело —

типа, забыл что-то и умчал от моего дома. Думаю, он почуял сокровище моё. Вот и решил меня, так сказать, нахлобучить.

Пока в голове звучал голос мертвеца, Лютов сидел неподвижно, уставившись в пустоту. Со стороны это выглядело так, будто он разговаривает сам с собой: взгляд стеклянный, губы чуть подрагивают. Любой посторонний решил бы, что мужику срочно нужна скорая, и желательно психиатрическая помощь.

— Вот и решил я, что это он там, за забором. Что за хуёбина такая скрытная, понятия не имею. Должен был свет его увидеть, а ни хуя не увидел... и вот это тревожит. Именно из-за этого меня его собака и порвала. А его цель теперь тебя схватить живым, по возможности целым, чтоб ты время не отмотал. Запрут где-нибудь в сыром подвале лет на десять, если повезёт, а если нет, то навсегда. По мне, так это хуже смерти.

Лютов сжимал рукоять, как будто ветку, которую сунули в руку утопающему. Он ощущал, как на висках выступает холодный пот. Внутри всё сжалось, когда воспоминание о зиндане, куда его отправило командование после попойки, всплыло резкой вспышкой: тёмная глубокая яма с верёвочной лестницей, мерзкий холод и боль. Теперь, по словам мертвеца в голове, всё это может длиться не трое суток, а вечно.

В душной избе после таких мыслей будто дышать стало нечем. Алексей чуть не поддался паническому желанию вы-

бежать на улицу, вдохнуть свежего воздуха, вне зависимости от того, что его там ждало.

— И вот что важно понять: теперь всё будет как бесконечный, безумный канкан. Ты тут «канканщица»: лупишь ногой, пытаешься спихнуть со сцены прущих озабоченных пьянчуг... и их, пьянчуг, будет только больше. Но! Есть бонус: тебя-то убить нельзя, а вот их — запросто. А главную дрянь навсегда не завалишь, но поднасрать лет на пять — точно можно.

Лютов со стоном медленно провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть этот кошмар.

— А может, тут просто двое забулдыг, бродячие псы, которых ты прикармливал, и я с нестабильной психикой. Как будто объяснение проще, чем та херня, что ты мне несёшь... или что я себе несу.

Он подошёл к столу, возле которого на стуле сидел труп Гадала. На столешнице лежало маленькое зеркальце. Отражение в нём могло напугать даже подготовленного человека: из мрака на Алексея смотрел пожилой, хмурый мужчина с нездоровым блеском глаз. Жути добавляло то, что один глаз его произвольно дёргался.

— Ну не убивайся ты так, малохольненький. Нормально всё будет. Ты подыши. Тех, кто за забором... эту изморозь подвальную можно остановить. Старик поможет. — Голос вдруг оборвался. — Поможет... э-э-э... советом, ёшкин кот... Больше ничего сделать не могу, похоже.

За окном тихо треснула ветка. Лютов снова тяжело выдохнул, словно воздух стал гуще. Он помотал головой, как пьяный, который пытается собраться.

— Значит, у меня есть время. Давай подведём итог. Допустим, я тебе верю: меня убить нельзя. Пока не могу понять это, но пусть будет так. Есть демоны, или кто там ещё, которые хотят схватить меня и запереть навечно... Из приятного: у меня есть ствол. И всё? А цель на сегодня — перестрелка с хрен знает кем во главе с какой-то мегатварью. Или с кем там, пьянчугами?! Эти противники хотя бы уязвимы для пуль?

Проговаривая всё это, Алексей всё меньше верил в успех этого мероприятия.

— Да, ты всё правильно понял. Давай по-другому... ну вот как я думаю. Около нас «куколки» — это обычные люди, хоть и порабощённые... хм... пусть будет демоном. Как зомби, что ли. Обычные пули их берут, у них так же течёт кровь в жилах, так что тут тебе всё знакомо. Стреляй по конечностям, в туловище, или как там у вас, у военных, — в центр массы? Тут, я так понял, для тебя нового нет.

Лютов кивнул коротко, облизал пересохшие губы. Нахмурился, словно прикидывая, куда ему переместиться.

— Ещё какая инфа?

— С сущностями сложнее. Пули против них работают лишь наполовину: крови нет, боли они не чувствуют. Отстрелишь ноги — замедлишь. Снесёшь голову — остановишь.

Стреляй метко и действуй быстро — не дай им опомниться.
— И ещё что-то будет?

— Этот егерь — существо высшей касты. Это, так сказать, адский микс. Его человеческая часть умрёт первой, затем нужно уничтожить сущность. А на сладкое — часть демона, которому он служит. Это будет сложнее всего. Эдакая inferнальная капуста, матрёшка смерти, новое прочтение Кошеля...

Лютов резко оборвал его, сжав зубы. Бегло осмотрел комнату: ничего полезного, кроме обреза, сразу в глаза не бросалось.

— Да понял я. Понял. Скажи лучше: что вообще работает против этих сущностей и их частей, против всей этой хероборы? По твоим словам, одного магазина для Макарова не хватит. Есть тут что-то полезное?

— Конечно есть. Капканы, обрез, патроны с крупной картечью, бензин... вроде всё.

Лютов не медлил. Подошёл к старому сундуку с железными уголками, откинул крышку. Ржавые петли хрустнули, будто сундук возмутился тем, что его тревожат после долгой спячки.

Внутри лежали несколько капканов, смазанных чем-то чёрным с резким химическим запахом. Рядом — металлическая коробка из-под чая; две штуковины, отдалённо похожие на гранаты времён Второй мировой; маленькая канистра и пара бутылок с бензином; всякий хлам, который не стоил

внимания.

Лютов присвистнул.

— Дед, ну ладно... капканы на медведя. Старьё собираешь, понимаю. Бензин в бутылках ещё куда ни шло. Но гранаты... откуда?

Мертвец рассмеялся:

— Знаешь, пара гранат никогда не помешает. Вдруг соседи станут слишком шумными.

— Соседи, говоришь...

— Да. Шумные такие, с музыкой и ночными шашлыками. Как говорится, граната — лучший аргумент. Не знаешь? Ладно, проехали. Главное вот что: «старушечки» мои срываются так себе, пятьдесят на пятьдесят. А капканы — сто процентов. Штука простая, но принцип железный: кто бы ты ни был, без ноги двигаться куда сложнее.

Лютов кивнул, не улыбаясь.

— Ладно. Беру обрез, капканы и гранаты.

Кроме уже найденных «сокровищ» Алексей вытащил жестяную коробку. Внутри на серой ткани лежало несколько патронов, явно самодельных: это выдавали смятые пластиковые гильзы и неровные закрутки.

— Похоже, на этом наша подготовка всё, — пробормотал он. — Как говорил мой сержант: «Патрон для себя оставьте, и поехали».

Лютов кивнул так, словно уже приглашал нечисть на бой.

Глава 5. Снова и заново

Лютков стоял, прижавшись к стене, и сжимал рукоять пистолета. Руки слегка дрожали от слишком долгого напряжения. Он старался дышать как можно глубже, чтобы прогнать адреналин, который сейчас лавиной сходил по его нервной системе.

«Ладно, старик... Если ты прав насчёт егеря, нужно быть готовым ко всему», — подумал Лютков.

Он опустился на колени и расставил капканы, тщательно фиксируя их на скрипучем полу у окон и двери. Капканы защёлкивались в заряженном положении удивительно легко. — Пора начинать, — прошептал он.

Алексей медленно открыл тяжёлую деревянную дверь. В лицо ударил холодный влажный воздух, пахнувший дымом и мокрой землёй.

За порогом царил полный мрак. Лишь редкие отблески скользили по асфальтированной дорожке.

Алексей задышал чаще, пытаясь успокоиться. Стояла тишина, натянутая, словно перед ударом молнии. Он сделал глубокий вдох, как перед нырком, и со всех сил бросился к машине...

Он успел сделать всего десять шагов, когда сознание взорвалось.

Выстрел прозвучал, как удар кувалдой по черепу. Пуля

без сопротивления вошла ему в лоб и, вырвавшись из затылка, раскрыла кость отвратительным кровавым цветком. Боль будто расколола лицо пополам, а верхнюю часть головы сжала в тисках.

Он рухнул головой вперёд и ушёл в темноту, распластавшись на дорожке в луже собственной крови.

И вдруг по всему вокруг прошла рябь. Время тронулось, словно поезд, давший задний ход: собирая осколки черепа, вытягивая кровь обратно в раны, возвращая тело в исходную точку перед стратагемой, достойной Сунь-цзы.

Алексей с громким криком вернулся в себя. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

В избе снова качнулись свечи, и всё стало как раньше.

Лютов стоял и смотрел на дверь, пытаясь понять, что делать дальше.

В голове зашипело, словно старое радио поймало нужную волну.

— М-да-а... — голос Гадала прозвучал с язвительной иронией. — Я тут, значит, в твоей башке копаюсь. Ты же служил. И в ЧВК был. Да? Просто вышел на крыльцо. Нет, серьёзно: какой был план?

Лютов медленно повернулся к столу, всё ещё пытаясь принять факт, что он только что не умер.

Он вытер лоб рукавом.

— Слушай, я недавно умер. Воскрес. Узнал про демонов. Это огромный стресс. И то, что я хоть что-то соображаю, уже

ёбаное чудо.

Повисла пауза. Даже ночь за стенами будто выжидала.

— Ладно, — снисходительно отозвался Гадал. — С такой логикой не поспоришь. Но, может, в следующий раз не будем так спешить с выходом на крыльцо, а? Типа, стратегия, тактика... план.

Лютов закрыл глаза. Вдохнул через нос, задержал воздух, выдохнул.

— Ладно. В следующий раз будет лучше, но это не точно.

Он осмотрелся вокруг: ряд бутылок, канистра. Лютов лихорадочно соображал, как из этого соорудить средства обороны, так как побег, похоже, не выход.

— Ну самое очевидное — это разлить бензин по бутылкам и твои тряпки пустить на фитиль... Хотя какой-то плюс от того, что ты любил выпить, — усмехнулся Лютов.

— Эй! — обиженно фыркнул голос. — Это вовсе не алкоголизм. Я стресс снимал! И это классные вещи, а не «тряпки».

— Все алкоголики без вкуса так говорят.

— Давай я сделаю вид, что это не слышал, и дам тебе приготовиться.

Подготовив несколько бутылок с горючей смесью и собрав всё, что могло пригодиться, Лютов поднял обрез и встал у двери, рассчитывая застать врасплох тех, кто войдёт.

Ещё раз окинув помещение взглядом, он отметил точки, где можно было проникнуть внутрь. Большое окно напротив

стола он прикрыл капканом, хотя и не слишком верил, что кто-то полезет именно туда.

Больше для повышения обороноспособности избы сделать было нечего.

И всё же первым раздался звон стекла именно оттуда, куда, казалось, никто не смог бы влезть. Окно хрустнуло под тяжестью тела: существо явно забросили внутрь, само оно бы не забралось. Упав, оно попыталось подняться и, опершись на руку, поставило ногу прямо в расставленный капкан.

Звук был такой, будто по арбузу ударили гаечным ключом. Нечто взвыло и дёрнулось, пытаясь вырваться, сдирая кожу с ладоней о стальные дуги охотничьей ловушки. Из прижатой ноги хлынула кровь, быстро собираясь во внушительную лужу.

Лютов, моргая, смотрел на происходящее и наконец понял: это не сон, пора действовать. Подскочив к быющемуся в капкане существу, он с разбега ударил его в челюсть. Голова мотнулась, но тварь не только не потеряла сознание, а, наоборот, рванулась ещё сильнее, словно пытаясь выдернуть ногу из железа.

Поняв, что одним ударом его не выключить, Алексей вскинул заряженный Макаров. Чтобы не искушать судьбу, он схватил существо за волосы, прижал ствол ко лбу и нажал на курок. Голова дёрнулась назад. Существо обмякло и больше не подавало признаков жизни.

— Блядь... я даже не знаю, что дальше делать. Я просто

мужика завалил наглухо. Что теперь...

Он перевёл взгляд на дверь, которую закрыл перед подготовкой и подпёр стулом, и тут в неё ударили. Сначала один раз, но так тяжело, что промялся косяк.

Второй удар выдавил косяк настолько, что дверь почти беспрепятственно пошла внутрь.

Треск усилился, словно ломился медведь. Дверь сорвало с петель, и в избу ввалился человек... или то, что когда-то им было.

Одержимый, с чёрной кожей, серыми венами и белыми зрачками. Он был гораздо крупнее, чем тот, что стоял у окна.

Лютов, преодолев смятение, приблизился к существу и, ударив его с размаху локтем в переносицу, услышал характерный хруст. Он даже удивился: после сломанной переносицы не было крика боли. Оно просто захрипело и дёрнулось.

Алексей, помня предыдущий опыт, ещё раз ударил свободной рукой в уже разбитую переносицу стволom Макарова, затем рукояткой саданул в висок и, пользуясь дезориентацией ввалившегося, приставил ствол к лобной кости и нажал на спуск.

— Ебать... красиво, — оживлённо отозвался Гадал в голове. — Тебя где так учили? По какому уставу?

— Давай молча, а? — процедил Лютов.

— Похоже, не такие они и страшные...

И тут Голос прозвучал как будто отовсюду, ударил по голове тяжёлым басом. Снаружи дома.

— ХВАТИТ!!! БЕРИТЕ ЕГО!!!

— Берите, блядь... хуй унесёте, грузчики, ё-моё, — глухо ответил Лютов.

Ещё один одержимый, забыв о самосохранении, рванул напролом вслед за убитым с явным намерением схватить Лютова и обездвигить. Алексей невольно удивился этой тупой прямолинейности.

Что за... чего он добивается?

Он подождал, пока существо поравняется с ним, и сделал подсечку. Оно рухнуло на пол. Лютов добавил ему рукояткой в висок и, чтобы прервать захлёбывающийся рёв, выстрелил туда же. Пуля пробила череп с глухим, мокрым чавканьем, прошла голову и воткнулась в половую доску.

— Пять, — неожиданно сказал Гадал.

Лютов нахмурился.

— Чего «пять»?! Ты говорил: пара-тройка одержимых, сущность и егерь! Чего ещё пять?!

— Пять патронов, парень, — усмехнулся Гадал. — В магазине восемь. Три ты уже спустил. Даже ты с этим справишься, думаю.

— Чёрт... мог бы сразу сказать. Не пугать так.

— А что я? Помочь хотел. Кстати, их тактика... тупо бегать на врага. Как в тот раз, когда ты просто вышел на крыльцо. Как думаешь, откуда они её взяли?

— Охуеть, смешно, — сухо бросил Лютов. — Просто бомба. Тебе, я так понимаю, даже пиздюлей не дать, вот ты и

куражишься.

— Есть такое дело, — хмыкнул Гадал.

В пролом, где ещё недавно держалась дверь, полезло огромное существо, нечто среднее между кошкой, собакой и коровой. Белая свалывшаяся шерсть висела ключьями, глаза, тоже белёсые, тускло светились в полумраке. Монстр замер на секунду, подбирая лапы, явно готовясь к броску на Алексея.

— Что это за хуйня?!

Лютов, не дождавшись ответа, начал стрелять из пистолета, нажимая на спуск снова и снова. Пули входили в тушу, но тварь всё приближалась, будто не замечая попаданий.

Грохот выстрелов быстро сменился сухими щелчками.

— Да ёбанный в рот... патронов больше нет!

Существа почти не было видно в свете свечей, но было ясно: оно уже рядом. В отчаянии Лютов выдернул обрез и дал одиночный выстрел в сторону головы монстра.

Картечь врезалась в морду. Один звериный глаз выбило напрочь, кожу рассекло, и из раны потекла белая густая жидкость, больше похожая на засыхающую краску, чем на кровь.

Но тварь не только не остановилась, а, наоборот, метнулась вперёд. Набирая скорость, она неслась прямо на Алексея, как таран.

— Да что ж ты за гадина такая!

Слепнувшая на один глаз тварь, бросившись на Алексея, задела плечом стену и на мгновение потеряла равновесие.

Эти доли секунды дали Лютову время собраться.

Он прикинул траекторию броска, схватил бутылку с горючей смесью и метнул в тварь. Стекло разлетелось, бензин разом пропитал шерсть и плеснул на пол. Лютов выругался: если сейчас всё вспыхнет, сгорит и он.

Он чиркнул зажигалкой, схватил вторую бутылку и, уже горящую, швырнул следом.

Стекло лопнуло с треском. Пламя расцвело мгновенно, будто воздух только этого и ждал. Звук был такой, словно в раскалённую сковороду с кипящим маслом плеснули воды: зашипели кожа и шерсть.

Вой прошёлся по избе волной, так что, казалось, дрогнули стены. Но даже горя, туша продолжала двигаться.

Лютов в последний момент отскочил в сторону. Горящий зверь пролетел мимо и врезался в стену с такой силой, что с потолка посыпалась труха и пыль.

Алексей поднялся рывком, подскочил к твари, которая уже дёргалась в судорогах, взял обрез обеими руками, приставил к голове чудовища и почти шёпотом, хрипло выдохнул:

— Может, уже, блядь, сдохнешь, наконец.

Выстрел в упор вынес из головы твари всю оставшуюся в ней жизнь. Она дёрнулась ещё раз, взвыла, захлебнулась собственным воем и затихла.

Пламя продолжало жрать тушу даже после смерти. Пространство моментально заполнил густой чёрный дым, кото-

рый, скапливаясь, выходил по потолку в разбитое окно. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием досок и слабым шипением шерсти.

— Да уж... весёлый вечерок, — усмехнулся Гадал в голове.

Лютов тяжело дышал. Ноги подкашивались, руки дрожали, пот стекал по спине, но он стоял. Он смотрел на пылающее месиво, которое пару минут назад могло сожрать его живьём.

— Ты бы сказал об этом раньше, дед. Ну типа: сущность — это охуенно огромная тварь, которой вообще до пизды, что в неё стреляют из мелкого калибра.

— Ну я сам не знал, — голос Гадала стал чуть серьёзнее. — Сущности большие бывают, это факт. Но как они выглядят, зависит от демона, который их сделал. Вот сюрприз и вышел.

— Сюрприз, говоришь... Бегает тут тварь размером с... «газель», и ты молчишь, как будто я каждый день таких встречаю.

Гадал снова рассмеялся:

— Слушай, сделай скидку старику. Мне вообще пришлось тебе, армейскому дубу, за пять минут всё вывалить: и бестиарий, и способы борьбы, и как работает амулет. А я, между прочим, как ты вежливо заметил, сдох на хуй. Так что я тоже не очень ясно помню детали.

Лютов на мгновение замер, а потом невольно рассмеялся.

— И как ты говорил: то, что мы вообще живы, — это ёбаное чудо.

— Ладно, дед, — сказал Лютов, вздыхая. — В следующий раз просто предупреди заранее, что на меня идёт огромная тварь, и будем считать, что я тебе это прощаю.

— По рукам! — сказал Гадал.

— По рукам!

Лютов уже начал расслабляться после обмена шутками с Гадалом, как вдруг снова раздался голос старика.

— А, бля, у меня же рук-то нет, — сказал он с явным раздражением.

В тот момент, когда Лютов собирался ответить, его мир внезапно взорвался адской болью.

Громкий выстрел раздался прямо за его спиной, и пуля с силой вошла ему в висок. Он почти физически ощущал, как свинцовый носик разрывает плоть, пробиваясь сквозь кости и мозг. Боль была настолько оглушающей, что казалось, будто сам воздух дрожал вокруг него.

— Такого не бывает... Больно, но как-то... нереально.

Опытный военный, Лютов знал, что при таких травмах сознание гаснет мгновенно и человек ничего не чувствует. Однако его разум цеплялся за каждую секунду боли, осознавая, что это происходит только потому, что он не может умереть.

Поток времени снова потёк вспять. Мир начал вращаться в обратную сторону, и Лютов вернулся назад. В его голове зазвучал голос егеря, но на этот раз он был отчётлив, как

будто егерь стоял прямо за ним.

— Эй, парень, как ты там? Нравится страдать?

Лютов стиснул зубы, на мгновение потеряв самообладание, и выругался:

— Эй, хуйня лесная! Еблан! Меня твои пули не берут!

Егерь только засмеялся, и его смех был полон зловещей радости.

— Да, да... знаю, что ты бессмертный, тебе там перепало от старика, мне просто... нравится смотреть, как ты страдаешь. Стрельба здесь не ради убийства, это ради... удовольствия.

Лютов замер на мгновение, осознавая с ужасом, что перед ним был тот тип хищника, который получает удовольствие от чужих страданий. Насилие для егеря было не средством, а целью. Эта мысль прожгла Лютова: он встречал таких среди своих бывших коллег — такие пытаются не потому, что им нужно, а потому, что могут.

— Ну что скажешь, парень? Может, договоримся? Смысла сопротивляться у тебя нет, а вот мне нравится с тобой играть.

— Договориться? Конечно, могли бы... но, знаешь, оральные ласки от старого, больного ублюдка как-то не входят в мой список предпочтений. Так что, увы, не прокатит.

Егерь снова засмеялся; его смех был холодным, резонирующим в голове Лютова. Этот звук пробирал до костей, словно цеплял каждую его нервную клетку.

— Ха, дерзкий. Ну что ж, тебе повезло, я не так уж и настойчив. Но знаешь, вечно страдать... в этом есть своя прелесть.

И тут Лютова бросило в холодный пот. Он резко осознал, что патронов больше нет. Он не оставил последнего патрона для себя — ошибка, которую раньше никогда не допускал.

Его тело застыло, руки слегка дрожали, и его разум буквально погрузился в мрак отчаяния. В голове возникли пугающие образы того, что могло ожидать его впереди.

— Чёрт... Патронов-то нет. Нет последнего для себя...

Пустота и ужас пронзили его, словно холодный ветер. Лютов начал отчётливо представлять себе, каким может быть его бессмертие рядом с егерем: нескончаемый цикл страданий, боли и унижений. Егерь не убьёт его. Это не будет милосердная смерть. Это будет бесконечный ад, и егерь получит от этого удовольствие. Каждая новая боль будет ритуалом, в котором Лютов станет лишь инструментом для удовлетворения чужой тёмной сущности.

Он закрыл глаза, на мгновение подавленный абсолютным отчаянием. Это был кошмар хуже любой смерти.

— Видишь, как легко я тебя сломал. У тебя нет выхода, и ты это знаешь.

Лютов судорожно пытался справиться с нарастающей паникой. Образы бесконечных страданий под контролем егеря заполнили его разум, но вдруг голос Гадала раздался в голове, резко и с лёгким раздражением:

— А вообще-то в сундуке была жестяная банка с патронами. Это как бы намёк, что там есть, блядь, ПАТРОНЫ. Может, соберёшься?

Лютов на мгновение замер, словно пробуждённый из мрака своими мыслями.

— И ещё две гранаты. Да, самодельные, да, могут не взорваться, но они есть! Так что соберись, барышня кисейная, не всё потеряно.

Эти слова ударили Лютова как током. Он рванул к сундуку. Дрожащими, онемевшими от паники руками он шарил по сундуку в поисках жестяной коробки. Внутри всё тряслось, секунды длились как вечность, и вдруг — о чудо! — он нашёл её. Лютов быстро открыл коробку и увидел шесть патронов. Это было как глоток свежего воздуха посреди адской пустыни.

— Шесть патронов... Боже, я готов расцеловать этот обреза и тебя, мой невидимый чёрт!

Собравшись, Лютов вставил патроны в стволы обреза, чувствуя, как к нему возвращается сила. Он был готов к бою. Вскочив на ноги, он рванул к дверному проёму и, увидев приближающуюся фигуру, заорал во всё горло, выплеснув клочущую ярость наружу:

— ДАВАЙ, ИДИ СЮДА, хуесос с опушки!

Сквозь пламя за воротами было видно, как егерь, не торопясь, идёт к нему. Он был обычным на вид пожилым мужчиной в лыжной шапке, в простоватой куртке «Горка» и с вин-

товкой «Вепрь» через плечо. Никаких сверхъестественных атрибутов, никаких доспехов демона. Винтовка даже была без прицела.

— Ну что, готов поговорить?

— Пошёл ты на хуй! — блеснул красноречием Алексей.

Он выхватил одну из самодельных гранат и метнул её в егеря. Граната ударилась о землю в нескольких метрах от него... и ничего не произошло. Она не взорвалась. Лютов покачал головой, чуть нервно усмехнувшись.

— Ну охренеть. Ладно, попробуем ещё раз.

Он кинул вторую гранату с чуть большей уверенностью... и снова та же история — никакого взрыва.

Лютов выкрикнул со смесью смеха и отчаяния:

— Шесть патронов и две гранаты, которые не взрываются. Это просто охуенно!

Надежда на гранаты рассыпалась, но Лютов не сдался. Он поднял обрез и выстрелил дуплетом. Пули достигли цели — егерь пошатнулся, кровь брызнула на его одежду, и он на мгновение замер, явно раненный.

— Ёбушки-воробушки, это работает!

Голос Гадала сразу же всплыл в голове, напоминая ему о том, что он слышал раньше.

— Чёрт... Гадал же говорил про Кощея... матрёшку смерти.

Но Лютов уже был на кураже, адреналин кипел в крови. Он снова выстрелил дуплетом, и егерь снова пошатнулся, на

этот раз даже немного поник. На мгновение показалось, что его всё-таки можно победить. Но в этот момент егерь поднял голову, и в его глазницах вспыхнуло что-то жуткое и чуждое. Сиреневый свет засиял в его глазах, и он продолжил неспешно идти к Лютову.

Лютов не стал медлить. В отчаянии, зная, что у него осталось всего два патрона, он поднял обрез к подбородку и нажал на спуск, одновременно разрядив оба ствола дуплетом. Фейерверк боли обрушился на него, вспышка оглушительной агонии пронзила каждую клетку его мозга. Это были не просто американские горки — это был ад в чистом виде. Алексей чувствовал, как его голова буквально разрывается от подбородка до темечка.

Но время, словно мягкая глина, податливо вытолкнуло его обратно. Он снова стоял в избе с обрезом наготове, вернувшись к тому моменту, когда только зарядил его. Это было не первое такое возвращение, и каждое разжигало его ярость ещё сильнее, всякий раз добавляя боли.

— Ладно, хорошо. Этот путь не работает. Попробуем иначе.

На этот раз он решил не торопиться. Его сердце билось в бешеном ритме, но разум стал холоднее. Лютов поднял обрез и, не тратя времени на гранаты, просто начал считать выстрелы, каждый раз целясь в егеря.

— Один... два... три... четыре.

Егерь снова пошатнулся под градом пуль, его челове-

ская сущность явно была на грани смерти. Он замер, его тело ослабело, и Лютов знал — этот этап близок к завершению.

— Пора. Теперь очередь гранат.

Он выхватил одну из самодельных гранат и бросил её в егеря, а затем, не дожидаясь результата, кинул вторую. Обе гранаты ударились о землю, отскочили к ногам егеря... и ничего не произошло.

— Чёрт возьми... ничего!

— Парень! А если снова бросить гранаты после твоей смерти? Это сработает!

Тело мужчины дёрнулось, но не рухнуло, как бывает с теми, кто лишается сознания, а осело, будто он был сильно пьян. Затем он резко дёрнулся, будто проснулся, и в его глазах вспыхнул сиреневый огонь. Узнавать, что с ним станет, когда до него доберётся Сиреневый, у Алексея не было ни малейшего желания, и он перезапустил время, нажав на курок обреза. Всего было восемь таких попыток — и вот девятая. Лютов уже не чувствовал ни боли, ни страха, только тупое равнодушие к происходящему. Он действовал автоматически, будто во сне, без каких-либо ожиданий.

Заученным движением он метнул гранату вперёд, даже не глядя на цель; его взгляд был безучастным, словно застыл в этом бесконечном кошмаре. Он не надеялся ни на что, просто механически повторял действия, погружённый в этот адский цикл. Он двигался, как будто был на проклятой карусели, которая вновь и вновь возвращала его к одной и той

же точке.

И вдруг — оглушительный хлопок. Лютов невольно вздрогнул от неожиданности: звук был слишком резким, чтобы его игнорировать. Подняв глаза, он увидел, как сиреневое свечение, горевшее в глазах егеря, внезапно отделилось... от головы и ног. Голова егеря перекатилась в сторону, как выбитый мяч, а его тело разлетелось на части. Это всё, что осталось теперь от неуязвимого монстра.

Но главное, что Лютов заметил, — сгусток сиреневого света. Он висел в воздухе там, где только что стоял демон, оставляя ощущение чего-то зловещего и незавершённого.

— Наконец-то...

— Амулет! Быстрее, быстрее! Ткни им в него!

Лютов, оглушённый происходящим, стоял на ватных ногах, тело отказывалось ему подчиняться. Голова кружилась, а перед глазами всё плыло, но он знал: действовать нужно сейчас. Он стал шарить по столу, пытаясь на ощупь найти амулет, пока не осознал:

— Чёрт... Он же у меня в кармане!

Без лишних слов он рванул к выходу, выскочил на улицу, где сиреневое пламя теперь пылало ещё ярче. Густой сгусток энергии демона висел прямо перед ним, полный злобы и ярости. Лютов спешил, но в суете вдруг поскользнулся и со всего маху грохнулся грудью на асфальтированную дорожку.

Боль пронзила его, дыхание перехватило, и несколько мгновений он просто лежал, едва переводя дух. Но Лютов не

сдавался. Ползком, на локтях и руках, он двигался к сгустку, к сиреневому свету, который угрожал его существованию. Тяжело дыша, он наконец оказался рядом с этим воплощением чистого ужаса. Его рука дрожала, но инстинктивно, ведомый какой-то глубинной силой, он протянул амулет к сгустку и погрузил его внутрь.

Раздался оглушительный визг — словно сама тьма кричала от боли. Лютов тут же понял, что всё делает правильно. Он впихивал амулет всё глубже и глубже в сгусток, но ощущал сильное сопротивление — словно это были два мощных магнита, которые невозможно соединить одним полюсом. Его руки дрожали от усилия, мышцы ныли от напряжения, но он продолжал.

Света становилось всё меньше. Сиреневый сгусток затухал, а вместе с ним убывали силы Лютова. Он чувствовал, как сознание ускользает от него. Наконец света не осталось вовсе — и в тот же миг силы и сознание покинули тело Лютова.

Глава 6. Осеннее утро

Осеннее утро приветствовало мир лёгким дождём, который мягко стучал по опавшей листве, создавая тихий, успокаивающий ритм. Золотые листья, как ковёр, покрывали землю вокруг, превращая её в пейзаж, словно застывший между двумя мирами. Лютов лежал лицом в землю, его тело было недвижимо, погружённое в глубокий сон после всех пережитых кошмаров. Рядом с ним бродил полупрозрачный полный невысокий старик с густыми чёрными вьющимися волосами, которые едва скрывали массивные золотые серьги в ушах. Его шаги были нервными, а выражение лица — угрюмым и раздражённым.

— Ну и что теперь? Лежит тут, отдыхает, бя. Как он всё это смог повернуть? Я думал, что всё уже... Сидел бы сейчас с ним где-нибудь в бетонном колодце... А я? Я что, отдохнуть не могу, покурить даже не могу?! Это пиздец.

Он сердито пнул небольшой камень, но, поскольку был лишь тенью, его нога просто прошла сквозь воздух. Гадал продолжил ходить взад-вперёд, словно его неуверенность и раздражение могли хоть как-то повлиять на ситуацию. Внезапно со стороны деревни донёсся приближающийся звук мотора. Гадал замер на месте, прислушиваясь к глухому рёву, разрезавшему утреннюю тишину. Его лицо мгновенно исказилось ещё большей злостью.

— Ну конечно... Менты. Кто же ещё! Вот теперь посмотрим, как наш герой будет всё это объяснять! Я, честно говоря, без понятия.

Он всплеснул руками, но его руки прошли сквозь друга. Это добило его, и если бы у призраков были нервные клетки, то Гадал бы их точно потерял в тот момент.

— Да твою ж мать! Даже свои руки не чувствую!

Крик Гадала был такой силы, что, казалось, срезонировал с деревьями, растущими на опушке леса, и разлился по всему пространству. Лютов вздрогнул, резко и инстинктивно, как солдат в армии, машинально подобрался и сел на землю, быстро моргая глазами. Помотал головой, как будто разгоняя носом туман.

Ворочая головой из стороны в сторону, он пытался осознать, что это за место и что, чёрт возьми, вообще творится вокруг. Гадал, заметив его пробуждение, остановился и усмехнулся:

— О! Встал? Доброе утро, солнышко! Кофе, чай? Трупы за тобой убрать?

Лютов, тяжело моргнув, наконец сфокусировался на полупрозрачной фигуре Гадала. Его взгляд был всё ещё немного затуманен, но мысли постепенно начали собираться в кучу. Он устало пробормотал:

— Так странно... ты вроде далеко стоишь, а слышу — как будто прямо рядом, будто в ухо орёшь, как в телефон...

Зевая, Алексей потянулся, как если бы это был обычный

ленивый утренний ритуал. Встал с земли, тяжело опираясь на колени, и буднично направился к открытой двери избы Гадала. Его шаги были медленными, словно тело сопротивлялось каждому движению, но он шёл с настойчивой решимостью. Однако, внезапно остановившись на пороге, он повернулся к Гадалу и, бросив взгляд через плечо, спросил:

— У тебя в избе чайник, кофе, сигареты есть? И да, тебя как хоть звать-то?

Гадал, который до этого всё ещё пребывал в своём ворчливом состоянии, теперь с изумлением уставился прямо на Алексея. Его лицо приняло почти комично недоумённое выражение.

— Тебя ничего не смущает? Ну вот, например, я типа... как из полиэтилена, прозрачный? Не говоря уже о том, что вчера произошло? Ты чего такой спокойный?

Лютов медленно повернулся к нему, тяжело вздохнул и, усмехнувшись, проговорил:

— Так, давай по порядку, дед. Во-первых, мне так больно, что я вообще ничего не соображаю. Во-вторых, моя бурная жизнь научила меня нескольким правилам. И вот одно из них.

Он сделал небольшую паузу, ухмыляясь, будто это был давно известный факт.

— Есть три вида дел: Божьи, чужие и мои. Так вот, сейчас я сосредоточен на своих. А конкретно — на одном. Я хочу кофе.

Гадал несколько секунд стоял в полном замешательстве и наконец выдал:

— Ого! Философ, да ещё и в полиции... Чудны дела твои, Господи. Ох, меня Яков... Для тебя Яков Ильич. Ну, можно дед, если уж по-свойски.

Лютов едва заметно кивнул. Яков Ильич, словно поняв, что требуется быстро принять решение, зататорил:

— Ладно, давай как-то живее собирайся. У нас тут ситуация, которую нужно обрисовать. В избе мой прохладный труп на стуле сидит. Во дворе разбросаны останки егеря и три одержимых, которых ты, я так понимаю, из табельного вальнул.

Лютов слегка хмыкнул, будто всё происходящее всё ещё не казалось ему настоящим. Но его внимание снова вернулось к Якову Ильичу, когда тот вдруг резко остановился, словно натолкнулся на стену из своих собственных мыслей:

— А знаешь что? Я так и не понял... Ты кто, блядь, вообще?

— Наконец-то нормальный вопрос, дед.

Яков Ильич застыл, сам удивлённый тем, что этот простой и банальный вопрос ускользал от него до сих пор. Лютов, слегка встряхнув головой, начал рассказывать Гадалу о том, что привело его сюда:

— Кто-то вызвал полицию на шум выстрелов и лай собак. Ну мне как раз по пути было — живу тут недалеко. Вот и заглянул проверить, что происходит.

Остановив рассказ, Лютов настойчиво напомнил:

— Дед, я же спрашивал про кофе? Где у тебя тут его взять?

Яков Ильич как-то странно посмотрел на своего нового напарника, потом тяжело вздохнул и махнул рукой, указывая на старый шкаф в углу.

— Ладно, бери. Кофе на полке. Сигареты там же.

Лютов бросил взгляд на пачку в углу — это были очень дешёвые сигареты в очень грязной пачке.

— Ты случайно не бомжа ограбил?

Яков Ильич, закатив глаза, выпалил в ответ:

— Так! Кофе моё собирается пить, сигареты мои хает. Ментяра ёбаная!

Лютов лишь усмехнулся, не приняв слова старика всерьёз, налил в жестяную эмалированную кружку отвратительный растворимый напиток и закурил, наслаждаясь крепким кофе. Его взгляд блуждал по полутёмной избе, пока в ушах звучал непрерывный поток ругани Якова. Под чарующие звуки матерившегося экстравагантного деда Лютов задумчиво затянулся сигаретой и вдруг ощутил, как голова слегка закружилась. Он выдохнул дым и невольно взглянул на Якова. В этот момент Гадал резко замолк и, вытаращив глаза, уставился на Лютова.

— Ну-ка, парень, затянись ещё раз. Вот только так же, прямо как в прошлый раз!

Лютов удивлённо посмотрел на деда, но подчинился. За-

тянулся снова, дым густо заполнил лёгкие, и Алексей снова выдохнул его. Гадал застыл, глаза блестели, словно он осознал нечто важное.

— Ёбушки-воробушки! Да я же чувствую, как будто сам курю!

Лютов бросил на него недоумённый взгляд, слегка приподняв бровь.

— Ну, дед, ты и чудишь.

— Ой, да думай что хочешь. Ты утренний кофе допил?
— Дед сделал особый акцент на последнем слоге с явной насмешкой. — Может, всё-таки там дела у тебя есть? Может, сделаем так, чтобы тебя не посадили? Я вообще не понимаю, почему тут до сих пор не полным-полно ментов. Я даже, мне кажется, машину слышал, пока наша Рэмба тут спала!

И словно по какой-то зловещей иронии, в этот момент действительно раздался шум мотора, но на этот раз машина просто проехала мимо, словно никто не заметил ничего странного.

— Точно слышал...

— А тебя почему не ищут? Ты что, не только мне, но и своим коллегам нахуй не упёрся?

— Да ну, просто забыли. У нас там дежурный новенький; скорее всего, даже в журнал ничего не записал. Отправил меня по рации, и всё. Ты что, думаешь, у нас каждый вызов на карандаше?

На мгновение Лютов замолчал, словно осознал, что сказал

слишком много, и махнул рукой:

— В общем, не тарахти, дед. Лучше посоветуй, как с этой болью справиться? Я вчера сколько раз себе в башку из твоей гром-палки шмалял? Может, анальгин там? Или трава какая?

Гадал, услышав это, сделал такое лицо, будто Лютов только что объяснил ему, что земля не только плоская, но ещё и развёрнута вертикально и скоро все упадут. Он даже на миг замер, раздумывая, как на это реагировать.

— Анальгин? Бля, ты серьёзно? Да вон, дорожник пожуи, одуванчик себе в сраку вставь — и отпустит.

Лютов невольно ухмыльнулся, а Гадал продолжил, уже сбавив тон:

— Понимаешь, я с этой болью уже шестую...

Вдруг он остановился на месте и поник, осознав всю тяжесть ситуации.

— Никак, Лёш. Никак. Можно выпить, конечно, но это не шибко помогает. Боль, она приходит с каждой новой попыткой, и её никак не заглушить. Боль... она с каждым разом чуть другая, но она остаётся.

Эти слова прозвучали как приговор, но дед, чувствуя, что Лютову сейчас нужно что-то большее, чем просто правда, взял себя в руки. Он резко встряхнулся, словно стараясь сбросить с себя эту тяжесть, и продолжил, пытаясь звучать бодрее:

— Но ты это, парень, не падай духом! Вспомни, как боль-

но было в первый раз. А сейчас уже легче же, а? Ну правда же?

Он изо всех сил натянул на лицо улыбку, которая больше походила на гримасу, и выставил руки вперёд с поднятыми большими пальцами, как будто рекламировал своё оптимистическое замечание. Лютов устало посмотрел сквозь Якова, не обращая особого внимания на то, что видит призрака впервые, сделал последнюю затяжку, пустив дым себе прямо в глаз, и тут же стал отмахиваться от него рукой. Кряхтя, как старик, он медленно поднялся из-за стола и вышел во двор с жестяной эмалированной кружкой в руках. О марке кофе он решил не упоминать, учитывая, как Яков отреагировал на его замечание про сигареты. Лучше молчать.

— Так... что у нас тут?

Лютов внимательно осмотрел окрестности. Его взгляд скользил по каждому объекту, словно он пытался всё запомнить, собрать воедино в своей голове. Он задумчиво потёр подбородок, размышляя вслух, чертил в воздухе пальцем:

— Ну, начнём. Первое. Допустим, первый — который в капкане — как будто вломился в дом и угрожал мне... Ну это ещё можно как-то натянуть.

Он сделал паузу, глядя на землю, словно ожидая от неё помощи в своих мыслях.

— Второй... второй и третий, значит, хотели меня убить руками, и я застрелил их в голову. Ну это вроде как в пределах самообороны... А егерю я гранату кинул, думая, что это

муляж...

Его палец продолжал чертить невидимые линии в воздухе, но чем больше он говорил, тем явственнее становилось ощущение бессмысленности.

— Нет, это финиш. Эта история даже самому тупому следователю не налезет. Легче будет убедить следствие, что это всё дед сам устроил.

Он замолчал, осознавая, что никакие объяснения не сделают произошедшее более приемлемым.

— Ну да, расскажи, — подхватил Гадал, — как старый — тогда ещё не мертвец — с золотыми серьгами, с прокушенной шеей, отобрал твоё табельное, замочил трёх бедолаг, закидал четвёртого гранатами, а потом, спокойненько сев за стол, решил издохнуть...

Он театрально развёл руками, будто это был сюжет какой-то абсурдной пьесы.

— Тебя в тюрьму не посадят — сразу на принудительное в дурку отправят. Парень, напомни-ка мне, когда у нас в полицию умственно отсталых брать начали? Что-то я этот момент как-то пропустил.

— Какую, на хрен, дурку? У тебя в избе двухсоткилограммовый кошка-бык с когтями! Под такую песню вообще всё, что хочешь, налезет...

Яков Ильич шумно выдохнул, словно собирался объяснить Лютову что-то неприятное, но неизбежное.

— Ох, Лёшенька... Тут такое дело. Люди — они да, оста-

ются. Вот умирают, и их трупы никуда не денутся. А вот сущности, они... как бы так сказать... испаряются, что ли, после смерти.

— Чего, нахуй?! Дед, бля, какие, на хрен, испарения?

Лютов разозлился, выплеснул остатки кофе на землю и уверенно пошёл обратно в избу, не дожидаясь объяснений. Но, когда он дошёл до комнаты, увиденное ошеломило его.

Окоченевшее тело Якова Ильича сидело на стуле в нелепо вывернутой позе. Труп одержимого — того самого, что влез через окно, — валялся неподалёку, его конечности были раскинуты по полу, как у брошенной куклы.

Лютов осторожно перешагнул через тело второго одержимого, который когда-то пытался его задушить, и уже почти подошёл к месту, где надеялся найти мёртвого зверя. Но зверя не было. Никаких следов монстра, никаких останков. Только копоть на стенах, чёрные следы, где картечь пробивала доски. Пара гильз валялась на полу, свидетельствуя о том, что бой был. Но больше ничего.

— Да как же так-то?

Лютов пытался собрать воедино картину произошедшего, но его разум блуждал в лабиринте воспоминаний. Он осмотрелся, и тут его взгляд привлёк солнечный луч, который пересекал, словно линия, всю избу. Пыль в воздухе отчётливо подсвечивала этот луч, как будто он был направлен фонариком. И тут Алексей заметил — свет проникал в комнату через крохотное отверстие в стене.

Он медленно подошёл ближе, обдумывая свои действия и слова, но, когда наклонился, чтобы посмотреть на отверстие повнимательнее, правда поразила его как молния. Это была дырка от пули.

— Егерь! Чёрт, он же стрелял в меня! Так-так-так... Значит, баллистика подтвердит, что выстрел был снаружи избы, та-ак... Значит, есть оружие... Где-то должны быть и гильзы... Хм... Получается, вот как всё было: я обнаружил Якова Ильича, хрен знает какого года рождения... — На этом моменте Лютов уже почти перешёл на скороговорку. — Он сообщил мне, что на него напала группа из трёх человек, и они вооружены. — Лютов быстро прикинул, чем можно было вооружить мертвецов. Его мысли перескакивали с одного на другое, пока он не продолжил вслух: — Так, они — одержимые, значит, угрожали мне и потерпевшему убийством. Я представился и сделал предупредительный выстрел в воздух... гильзы все здесь... На это преступники открыли огонь по мне. Я защищался, предложил им сдаться, но они пошли на штурм, чем развязали мне руки...

Он на мгновение умолк, задумавшись о том, что неплохой план вырисовывается, но тут его лицо помрачнело.

— Та-а-ак... Но есть один нюанс... Граната.

Он напрягся, пытаясь вспомнить, в каком из миров использование противопехотной гранаты может быть воспринято как самооборона в мирное время. Но ответ ускользал, как будто эта ситуация не имела никаких нормальных объ-

яснений. Пока Лютов пытался придумать правдоподобную версию, Яков Ильич, внимательно слушавший его до этого и покивавший в знак одобрения, внезапно вставил свои пять копеек:

— А гранаты, парень, скажи, что он в тебя кидал. Помнишь, их же две было! Одну, которая не взорвалась, положим в избу.

— И что это нам даст?

— Что даст? Что ты педераст! — Не дав Лютову даже закончить мысль, Яков Ильич продолжил с убеждённой уверенностью: — Сам подорвался, говорю! Гранаты-то самопальные!

— Точно! Ах, дед, молодец! Типа, в руках у него и взорвалась граната... Всё, мы готовы! Можно звонить в полицию!

Лютов даже хлопнул в ладоши, полный энтузиазма и уверенности в том, что они наконец-то выстроили историю, которую хоть как-то можно объяснить. Всё встало на свои места, и он был готов к дальнейшим действиям.

Глава 7. Подготовка

Лютов бродил по комнате, пытаясь найти телефон среди хаоса, царящего в избе. Его пальцы шарили по поверхности стола и мебели, а мысли крутились вокруг предстоящего вызова полиции. Рядом с ним Яков Ильич продолжал слоняться туда-сюда, порой проходя прямо сквозь Лютова.

— Лёша, слушай. Нам нужно всё продумать перед тем, как вызовем полицию. Спокойно, без суеты. Надо забрать всё нужное из дома. Понял?

Лютов кивнул, продолжая искать телефон, а Яков тем временем принялся перечислять, что необходимо сделать:

— Книгу возьми. Она там, в шкафу, на верхней полке. Ещё порох и картечь — это вон там, в сундуке в углу. Что ещё... — Он задумался на мгновение, а потом внезапно добавил: — Ах да, под полом у меня золото есть. Возьми его тоже, пригодится.

— Золото, говоришь? Ну давай, дед, продолжай. Что ещё? Шапка Мономаха? Жар-птица? Фото голой Бабы-яги? Вот возьму это всё, и у следака как раз будет причина меня подозревать!

— Подозревать? Кто, бля, подозревать будет? Пинкертон из нашего Переморского ПТУ? Или, может, юная Агата Кристи из вашего отделения? Слушай, я не мент, но кто-то же про золото должен был знать, верно?

Лютов хотел было возразить, но Яков Ильич не дал ему шанса. Он с театральной серьёзностью упёр руки в прозрачные бока, словно подводя итог, и упрямо продолжил свой монолог:

— Ну что за человек, а? Вот ведь сука красная. Кофе пил — хаял. Курево взял — обгадил. Теперь и золото моё бросить хочет...

— Дед, а вот эти одержимые... Они ведь откуда-то взялись? Как они вели себя перед смертью? Вся наша с тобой история рассыплется, если они до этого были примерными гражданами.

Яков Ильич на мгновение замер, а затем посмотрел на Алексея с каким-то даже уважением и кивнул.

— О, Алексей! Ну ничего себе, молодец, если честно. Прямо в точку.

Он задумался на мгновение, потом продолжил, его голос стал более серьёзным:

— Они уже полгода как бросили семьи и родных. А бес их взял из-за проступка. Ну или преступления, как ты это назовёшь. Они не просто так превратились в этих тварей. Одержимость — это не случайная хрень. А егерь — это вообще другой разговор, тот и вовсе убийца или ещё чего похуже. Как там у вас, законников, — мотив, контекст. Они их пробыют, и всё ясно станет.

— Ясно? Ты чего, дед? Тут тогда ОПГ шить будут. Они же все явно вместе, и сговор у них явно не насчёт соуса для

шашлыка. Тут такое может начаться...

Он резко сплюнул на пол, его мысли закрутились вокруг возможных последствий. Обстановка становилась всё более запутанной.

— Может, три хрыча с преступными наклонностями убили старика и решили пристрелить участкового из ствола, который явно не прошёл техосмотр. Палыча потом так ебать будут, что ему разве что солидол вместо смазки подойдёт!

Он застонал, как будто его пронзила острая зубная боль.

— Мою биографию начнут полоскать... Де-ед, чего делать-то?

— Чего делать, чего делать! Мудям пропеллеры приделывать! Я не знаю, Алексей. Но вот одно я точно знаю: таких, как егерь, тут у нас ещё много образовалось. Раз такое существо появилось — значит, здесь сообщество есть. Не один он такой.

Лютов серьёзно посмотрел на призрака, хотя со стороны это могло выглядеть странно — разговаривать с полупрозрачной тенью словно с живым человеком. Но сейчас это было неважно.

— Ещё как подтвердить можешь?

Яков Ильич, закинув руки за спину и скривив губы, как будто объяснял ребёнку, почему нельзя есть грязными руками, начал рассказывать, его тон был одновременно язвительным и серьёзным:

— Ну давай по порядку. Примерно три месяца назад на-

чались странные самоубийства. Потом несколько невинных пропало — отроки, подростки, как вы это называете, штук десять. И ещё... странные личности начали приезжать. Это прям железно, даже не сомневайся.

— Этому подтверждения будут?

— Точно говорю, не носить мне серёг в ушах, если не найдёшь. Начнёшь копать, как вы, легавые, умеете, — нароешь.

— Я могу сказать, что слышал от наших мертвецов что-то, что точно подтвердится?

— Вчера девчонка пропала, подросток. Сто процентов. Уже по всей деревне слухи ходят, а полиция пока ни сном, ни духом.

— Ну тогда я Палычу так и скажу — чтобы шумиху не поднимал. Типа, дело серьёзное, говорили о похищении на днях. Если это правда, то, может, и выкрутимся.

Глава 8. Трупы, странности и удача

Лютов под шутки Гадала придирчиво оглядывал комнату. В доме царила странная смесь напряжённости и хаоса, но Алексей был сосредоточен. Он не спешил уносить найденное из дома, а прятал вещи в старом шкафу, в котором было потайное отделение. Задняя стенка шкафа просто отодвигалась, открывая полость между стеной и самим шкафом — идеальное место для временного хранения.

— Если что-то отсюда и получится забрать, то не сразу: тут и дежурить будут, и всё под микроскопом опишут.

— Спиздят всё коллеги твои, вот увидишь. И что тогда? Арсенал наш пополнять нечем будет, да и вообще жалко, а колдовству я тебя не научу и за пятьдесят лет.

— Мне до твоего колдовства дела нет, дед. Я вон вчера всех угондошил и без твоих трюков. В гороскопы я не верю, да и ты сам, если честно, не особо заговоры юзал — обрезом да гранатами пользовался.

— Заговоры и колдовство — это, конечно, хорошо. Но если силы закончатся, граната завсегда работает. Безотказная штука.

— Силы — это мана, я в игры играл, знаю...

— Какая, на хрен, мана?! Лёш, ты ёбнутый? Я говорю — силы закончатся! Вот смотри: ты бежишь и устал — силы закончились. Тут то же самое. А вы вон понапридумывали

всякой херни про ману!

— Ладно-ладно, понял. Хуйня это всё. Силы как у людей — устал, значит, закончились... Дед, а вот безотказные гранаты, они где лежат? Ещё сильнее спрятаны, чем золото? Потому что те, что ты мне дал, явно из пробной партии.

Яков Ильич фыркнул, его полупрозрачное лицо вытянулось в слегка раздражённой гримасе.

— Ой, да иди ты... Эти гранаты, значит, самодельные, но работали они нормально! Просто... ну что-то пошло не так. Первая партия, не тестил особо, знаешь ли.

— Ну вроде всё. Приготовления закончены. Сейчас дежурному наберу, всё расскажу, и начнётся...

Следующие четыре часа Лютов провёл в компании своих коллег, рассказывая выстроенную версию событий. Каждая деталь, каждое слово должны были звучать убедительно, и ему приходилось держать себя в руках, чтобы не сбиться. Самым сложным для него было не начать перепираться с Яковым, который то и дело влезал в разговор, комментируя происходящее и пытаясь «помочь». Лютов держал лицо и молча игнорировал прозрачную фигуру деда, который то фыркал, то ворчал в стороне, словно специально усложняя ситуацию, но было довольно трудно сдерживаться, слушая его язвительные замечания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.